

З Н А К И С У Д Ь Б Ы

Наталья Калинина

Зеркальный
лабиринт

«Испанский» цикл

Наталья Калинина
Зеркальный лабиринт

«Калинина Наталья»

2011

Калинина Н. Д.

Зеркальный лабиринт / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья»,
2011 — («Испанский» цикл)

ISBN 978-5-699-52108-1

В зеркальном лабиринте старинного дома блуждает потерянная душа. Ей скучно в мертвенном черно-белом мире, и она мечтает любыми способами вернуться в мир живых. Анна и ее возлюбленный Рауль, вместе с друзьями приехавшие в этот дом, чтобы провести там отпуск, не знают, что опасность грозит не только их любви, но и жизни.

ISBN 978-5-699-52108-1

© Калинина Н. Д., 2011

© Калинина Наталья, 2011

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталья Калинина

Зеркальный лабиринт

В произведении использованы тексты песен Diego Martín «Sobra», «De que me vale quererte». Перевод Нины Арутюновой.

Памяти Алексея Сабко

Пролог

1970 год, Испания

Ее терзали противоречивые чувства: с одной стороны, любопытство толкало в спину, словно озорной товарищ, но только Ванесса приближалась к двери ванной, чтобы приоткрыть ее и хоть одним глазком посмотреть, что происходит внутри, как страх хватал за руку, принуждая отступить. Но просыпающееся беспокойство подхватывало под локотки и водило по комнате нервными кругами, сужавшимися постепенно до маленького пятка возле двери ванной. Что же там происходит? Страх и любопытство на разных чашах весов, и тяжелеющая с каждой проходящей минутой «гирька» беспокойства, поставленная к любопытству...

Ванесса приложила ухо к отполированному временем темному дереву, прислушалась. Ни звука. Ни шороха. Ни вдоха. Будто в помещении и нет никого. Открыть? Но Мария строго-настрого запретила ей мешать, напротив, дала важное задание – следить за тем, чтобы в комнату не заглянул кто-нибудь из взрослых, а если это произойдет, каким-нибудь разговором отвлечь вошедшего.

Но время бежало, а из ванной, в которой закрылась Мария, не доносилось ни звука... Ванесса не знала, что должно произойти, но полагала, что двоюродная сестра вступит с Печальной Сеньоритой в разговор. Не мысленно же будет просить ту о своем желании?

А может, и правда, мысленно...

А может, и не выходит ничего, и Мария просто затаилась в ожидании, моля Сеньориту появиться.

А может, и прошло-то всего ничего времени, и это только Ванессе, снедаемой беспокойством и страхом, кажется, что миновал час?

Ой, как жутко... А начиналось все как игра, с разговора на дне рождения Ванессы неделю назад. Помнится, после сладкого они, пять девочек, уединились секретничать в спальне. Ванессе не терпелось похвастать перед подругами и двоюродной сестрой подарком родителей на четырнадцатилетие. Но внимание именинницы отвлекла двоюродная сестра, самая старшая в компании. Мария весь день была загадочно грустна, смотрела рассеянно, а если ее о чем-то спрашивали, не сразу реагировала. Иногда, будто вспомнив что-то приятное, улыбалась. Но на вопрос, что с ней, отвечала, мол, ничего. При этом и ее интонации, и взгляды, и эти улыбки невольно просто кричали о том, что в жизни Марии происходит что-то очень важное, нечто, чего еще никогда не случалось.

Тайну открыла сама Мария, рассказав по секрету, что больна неизлечимым сердечным недугом, отравившим ее существование бессонницей, смелыми мечтами, нескромными желаниями. Но «отравителя» так и не пожелала называть, хоть хитрая подруга Исабель перебрала имена всех знакомых юношей – от двоюродных братьев Марии до сына булочника, известного в поселке умственной отсталостью. «Ах, девочки...» – вздыхала Мария с загадочной печалью в глазах виноградного цвета и чуть снисходительно улыбалась. Потомив жадных до подробностей слушательниц, насладившись их нетерпеливостью, усладив себя читаемой в их взгля-

дах завистью, Мария призналась, что объект любви не знает о ее чувствах. Пока. «А если он тебя не полюбит?» – с детской непосредственностью прямо в лоб спросила самая младшая в компании, тринадцатилетняя Марта. «А если не полюбит – умру», – Мария вздохнула так сокрушенно, что и сомнения не оставалось в том, что без ответного чувства она погибнет. «Ах, что ты!» – заахали все наперебой, не столько сочувственно, сколько желая получить больше подробностей об этом волшебном чувстве, еще не тронувшем их девичьи сердца. И только пятнадцатилетняя Исабель, вторая по старшинству в компании, скептически хмыкнула. «Не умрешь», – сказала она веско, и ахавшие подруги замолчали. При этом глаза девочки зажглись таким блеском, что стало сразу ясно, она обладает не менее интересной тайной, чем Мария. «Моя троюродная сестра рассказывала, что ее подруга...» – начала Исабель в наступившей жадной тишине. И замолчала. «Ну же, ну же...». «Это страшная история!» – предупредила она. И девочки, загальдев, в предвкушении сдвинулись в более тесный круг. Это тоже у них водилось – рассказывать под покровом темноты страшные истории. Слушать их, попискивая от ужаса, хвататься за руки и выходить потом в коридор всей компанией, а не поодиночке.

Историю Ванесса слушала вполуха – как делала всегда, когда ей становилось страшно. Она не любила, когда вечера с подругами заканчивались такими рассказами, но не признавалась в том, что умирает от ужаса. Девочка нашла свой способ не бояться – делать вид, что внимательно слушаешь, ахать и охать, но при этом постараться думать о чем-то другом так, чтобы слова не касались слуха, не тревожили сознания, не оставались в памяти.

И все же часть рассказа Исабель она услышала. Легенду о Печальной Сеньорите, в поисках своей любви заблудившейся в ледяном лабиринте. Но как Сеньорита оказалась в лабиринте, почему ее называют Печальной, где потерялась ее любовь, Ванесса пропустила. А может быть, Исабель и не поведала, потому что сама не знала, ведь главное в этой истории было не это. «...И той, кто увидит Печальную Сеньориту, она обязательно поможет. Подруге моей троюродной сестры посчастливилось ее вызвать. И когда Сеньорита вышла из своего ледяного мира, подруга моей сестры попросила ее о любви...» – закончила свой рассказ Исабель в полной тишине, под устремленными на нее взглядами, в которых читалось одно желание – увидеть эту загадочную Печальную Сеньориту.

...Откуда-то потянуло холодом, и Ванесса зябко повела плечами. Ну что же там происходит, в ванной? И почему так долго не выходит Мария? Беспокойство пересилило страх, и Ванесса вновь приложила ухо к двери. Ох, не дело они задумали... А все Мария, уговорила ее, хоть Ванесса и противилась поначалу. «Я попрошу у *нее* любви и для тебя, хочешь?» – спросила Мария. Ванесса хотела. А какая бы девушка отказалась от любви? «Тогда через неделю... Когда наши семьи соберутся вместе на Рождество в нашем доме. Уйдем после десерта в мою спальню, якобы для того, чтобы поболтать. Как обычно! Никто и не заподозрит ничего дурного. Я зайду в ванную, где есть зеркало, а ты стой и сторожи, как бы кто не вошел...».

Если Мария и нервничала сегодня за рождественским ужином, то вида не показала. Исабель сказала, что одно из условий – спокойствие. Иначе ничего не выйдет, а если Сеньорита почувствует страх, разговаривать откажется, если не хуже... Утащит к себе в ледяной мир! Зато за Марию нервничала Ванесса. Отговорить? Страшное это дело... «Встать около полуночи перед зеркалом, зажечь двенадцать черных свечей, зажмуриться ровно за двенадцать минут до наступления полуночи, отсчитать одиннадцать минут и на последней минуте открыть глаза. И в зеркале покажется Печальная Сеньорита – в последние 12 секунд. Успеть попросить желаемое, пока она не ушла... или не протянула к тебе руку, чтобы утащить», – Мария столько раз повторяла полупшепотом услышанный от Исабель «ритуал», что Ванесса запомнила его, как молитву. Страшно... Страшно про протянутую руку, которая грозит утащить тебя куда-то. Страшно про свечи, которые непременно должны быть черными. Страшно про полночь...

А может, Исабель все выдумала? Слишком уж странным выглядел ее рассказ, да и сложностей напущено в избытке – и свечи непременно черные, и в полночь, перед зеркалом, и отсчитывать одиннадцать минут (это сколько же получается?). Похоже, пошутила жестоко Исабель. Эта мысль придала Ванессе храбрости, и она рывком отворила дверь ванной.

Никого. Только горят, потрескивая, двенадцать черных свечей. И пляшут на стенах косые тени. И отражаются в зеркале двенадцать подрагивающих огоньков – будто следят за Ванессой шесть пар чьих-то огненных глаз. Но где же Мария? Ванесса бы поклялась, что из ванной никто не выходил.

И холодно как тут... Вон, даже странный налет на зеркале. Не пар, а будто... изморозь. Желая проверить свою догадку, Ванесса шагнула к зеркалу и чуть не упала, споткнувшись о что-то мягкое. Нагнувшись, она увидела лежащую на полу Марию. Без чувств, и, кажется, не дышащую. С открытыми глазами, в которых застыл ужас, с искаженным немимым криком ртом.

– Ма... – прошептала Ванесса. То ли половину имени сестры, то ли половину восклицания «мама». И, опомнившись, ринулась из ванной за помощью. Но, убегая так стремительно, захлопнула за собой случайно дверь. И не увидела, как две зажженные свечи упали прямо на Марию.

* * *

@Bukv = «Никогда не доверяй отражению», – эта странная фраза из моего сна вспоминалась опять, когда я разглядывала себя в зеркале. «Не доверяй!» – услышала я так четко, словно голос раздался в голове. И в воспоминаниях постепенно стали проступать, будто изображения на погруженной в проявляющий раствор фотобумаге, расплывчатые очертания пришедшего. Этой ночью я вновь увидела хорошо знакомый мне с детства сон, где я гуляла по узким извилистым улочкам, приводившим меня к католической церкви. Мое видение каждый раз заканчивалось встречей с пожилым сеньором, который спускался по ступеням и с ласковой улыбкой протягивал мне ладонь, приглашая следовать за ним. Это был вещий сон, секрет которого я разгадала прошлым летом, когда волей судеб оказалась в одном испанском поселке и обнаружила, что улицы его уже мне знакомы¹. А тот сеньор с глазами цвета переспелой сливы был моим дедушкой, высланным в СССР еще ребенком в годы гражданской войны в Испании...

Но в сегодняшнем сне дедушка не протянул мне ладонь, а произнес эту странную фразу. «Никогда не доверяй отражению». Я проснулась, размышляя, что бы это значило.

Дверь тихонько скрипнула, и в спальню, мягко ступая лапками по паркету, вошел Булка. Булка – это котенок Рауля.

Дома, в Москве, у меня была кошка Дуся, оставшаяся сейчас у подруги Арины. «Ох, уедет твоя хозяйка в следующий раз в Испанию к своему Раулю не на три недели, а насовсем, что мы с тобой делать будем?» – причитала то ли в шутку, то ли всерьез подруга, прижимая к груди мою пушистую любимицу. «Заберу Дусю с собой!» – отрезала я. И добавила, что в мои планы переезд пока не входит.

Тем временем Булка прошествовал к кровати, обнюхал край шерстяного пледа и громко чихнул, смешно присев на задние лапы. Чихал он всегда с такой мощностью, будто был не полугодовалым котенком, а взрослым львом. Мы с Раулем каждый раз вздрагивали от неожиданности, а затем смеялись, пугая уже Булку громким смехом.

Котенок явно собрался запрыгнуть на кровать и угнездиться в ложбинке между двумя подушками. Но, передумав, развернулся и направился к трюмо. Видимо, вспомнил, что в глубине зеркала прячется его товарищ по играм. Я, предвкушая забавную сцену, замерла со щет-

¹ Начало истории читайте в романе Н. Калининой «Распахни ворота полуночи».

кой в руках. И точно, кот вспрыгнул на столик перед трюмо и ткнулся носом в зеркало, оставляя на нем влажный отпечаток. Игра Булки была всегда одной и той же: он трогал поверхность стекла лапкой, крутил головой, шевелил ушами и даже пытался «разговорить» отражение мяуканьем. В этот раз он заглянул за створку трюмо в поисках еще одного белого котенка с черным пятнышком у носа и выглянул оттуда с таким разочарованным выражением, что я рассмеялась. Игры пушистого озорника немного развеяли мои грустные воспоминания о бабушке.

– Анна, ты здесь? – в комнату заглянул Рауль.

– А где же мне быть, – ответила я. Потеряться в этой квартире было сложно. Несмотря на наличие нескольких комнат, размерами помещение лишь слегка превышало мою однокомнатную «хрущевку» на Щелковской. Больше всего мне нравилась гостиная: стена, отделяющая ее от кухни, была заменена барной стойкой, открывающееся пространство и выкрашенные в светлый цвет стены делали эту часть квартиры визуально больше. У стены стоял удобный диван, по бокам которого расположились торшер, дававший мягкий свет, и стойка с дисками. Журнальный столик заменял обеденный стол. Мне понравилась идея обедать и ужинать, сидя на подушках, брошенных прямо на светлый ковер. Рауль сказал, что мог бы купить нормальный стол, но тогда из-за размеров гостиной пришлось бы расстаться с диваном и столиком, а хозяйину не хотелось превращать комнату отдыха только в столовую.

Спальня была еще меньшего размера. В нее удалось втиснуть только двуспальную кровать. Оставшееся пространство занимало старое трюмо, которое Рауль подумывал заменить навесным зеркалом и поставить шкаф, потому что встроенный в стену был слишком мал.

В кабинет Рауля, напоминавший габаритами грузовой лифт в московской девятиэтажке, я почти не заходила.

И хоть эта квартира была маленькой, преимуществ у нее нашлось достаточно. Во-первых, в ней недавно сделали капитальный ремонт, установили батареи и кондиционер, во-вторых, соседи оказались нешумными и приятными людьми, в-третьих, здание располагалось в пяти минутах ходьбы от станции электрички. В-четвертых, поселок, в котором Рауль снимал квартиру, был гораздо больше того, в котором проживали его родители, – с магазинами, кафе-барами, широкой центральной улицей...

– Я побуду с тобой, – Рауль вошел в спальню и прикрыл за собой дверь.

Булка же проворно прыгнул на пол и шмыгнул под кровать. В квартире с утра царила суета, кот чувствовал, что она каким-то образом скажется на нем, поэтому нервничал и прятался. Мы планировали провести несколько дней в снятом с друзьями Рауля старинном доме, и все утро занимались сборами. Такой вид отдыха в отреставрированных, с современными удобствами, но с сохраненным первоначальным обликом домах, чей возраст порой приближался к тысячелетию, был довольно популярен в Испании. Когда Рауль еще до моего приезда поинтересовался, интересна ли мне подобная поездка, я без раздумий ответила согласием.

– Э, стеклянный мальчик, я так ничего не вижу! – рассмеялась я, когда Рауль уселся на столик трюмо, заслоняя мое отражение.

– Я тебе лучше зеркала скажу, что ты очень красивая! – ответил он, и обхватив руками мои бедра, притянул меня к себе и посадил на колени. – Красивая и сладкая.

Я с готовностью обняла его за шею и потянулась с поцелуем, но в последний момент отпрянула и показала возлюбленному язык. Рауль недолго позволил дразнить его, уже в следующее мгновение запустил пальцы в мои волосы, ласково взъерошил их, и когда я прикрыла глаза, меня поцеловал.

С Раулем мы встретились во время моей летней поездки в Испанию. Но я даже представить себе не могла, что это знакомство получит продолжение.

... Я часто вспоминаю тот день, когда впервые услышала песню, присланную мне по почте неизвестным заказчиком (за годы работы переводчицей впервые получила такой странный заказ – перевести с испанского на русский текст песни). Голос исполнителя заворожил меня,

едва я его услышала. Одержимая желанием найти певца, я забивала в поисковик слова из песни (заказчик так и не открыл мне ни имя исполнителя, ни название группы), но, увы, мои усилия не увенчались успехом. Нашелся певец уже позже. И мне не понадобилось много времени, чтобы влюбиться в него, хоть я и считала, что моя душа, опустошенная изменой мужа и сложным разводом, еще не скоро сможет наполниться новыми чувствами. Но как можно было не очароваться высоким загорелым красавцем с медальным профилем, вытатуированной на плече пантерой, взъерошенными черными волосами и с плещущимися в зеленых глазах-озерах солнечными зайчиками? Носил тогда Рауль еще бородку, но сейчас его подбородок был гладко выбрит. Привлекательная внешность в сочетании с отзывчивостью, с которой молодой человек согласился помочь мне раскрыть семейную тайну, с заботой, которую я никогда не получала от бывшего мужа – и я увлеклась этим парнем не на шутку. Роман между нами вспыхнул быстро и не предполагал развития, как многие курортные приключения (у Рауля, к тому же, в то время вяло дотлевали отношения с его постоянной девушкой), но казался подарком, врученным мне судьбой в качестве утешительного приза за разбитую семейную жизнь. Таким приключениям отводятся слишком узкие временные рамки, и, помня об этом, отпускаешь чувства на волю, не задумываясь о приличиях, накладывающих ограничения на обычные отношения. Поэтому переживаемые эмоции оказываются острее. Уезжала я из Испании, не оставив случайному знакомому никаких контактов. Но покидала солнечную страну в дождливом настроении и, чего уж греха таить, с расцарапанным сердцем...

...Рауль появился на пороге моей московской квартиры почти три месяца спустя. Все то время, что я старалась забыть его, занимая себя ремонтом, переводами, подготовкой к свадьбе Арины, он не оставлял надежды меня разыскать. Я не знала об этом, как и о том, что в день моего отъезда Рауль попал в серьезную аварию. В то время, когда я собирала по частям разбитое сердце, он залечивал физические травмы и пытался найти меня.

Мы провели вместе фантастическую неделю – на такой срок он мог задержаться в Москве. Но, уезжая, Рауль пригласил меня к себе. И теперь я гостила у него эти последние три недели года.

– Звонила сестра, сказала, что минут через пять будет у нас, – произнес Рауль, нехотя отстраняясь от меня. – Успеешь собраться?

– Я уже готова.

Он усмехнулся, услышав в невинной фразе другой смысл.

– Как жаль, что Лаура будет тут с минуты на минуту, – выдохнул он мне в ухо, обжигая горячим дыханием. – Как жаль...

Его губы вновь нашли мои, но в этот момент, обманутый тишиной, из-под кровати вылез Булка. Увидев нас, сидящих в обнимку, котенок прыгнул и ловко втиснулся между нами.

– О, Булка здесь, а я его по всему дому ищу!

– Он уже давно тут вертится, помогает мне со сборами, – ответила я, поглаживая громко заурчавшего котенка по белоснежной спинке. «Надо было его Трактором назвать, а не Булкой», – заметила я как-то.

Столь странное для котенка имя дал ему Рауль, пожелавший в память обо мне назвать подобранного нами летом малыша русским «именем». Рауль рассказал, что слово «булка» услышал в госпитале от русской женщины, развозившей пациентам обеды. В один из дней, забирая у Рауля поднос с почти нетронутой едой, она воскликнула: «Ну что ж ты не поел! Съешь хотя бы булку!» Говорила женщина по-испански, но слово «булка» произнесла на родном языке. Оно понравилось Раулю, и он так назвал котенка. То, что слово – женского рода, а котенок был мужского пола, парня не смутило, главное, как он говорил, «имя было русским». Булка толстел и рос, как на дрожжах, словно задался целью оправдать свое имя, и в этом подросшем молодом коте уже сложно было узнать того тощего малыша, которым мы его нашли.

– Пора «упаковывать» Булку, – засуетился Рауль, мягко ссаживая нас с котенком с колен. – погоди, не отпускай его, я принесу перевозку.

Мы долго решали, как поступить с полугодовалым «ребенком»: взять его с собой в поездку или отвезти к родителям Рауля. Сомнения разрешила мама Рауля, сказав, что в незнакомой обстановке Булке будет неуютно, тогда как ее дом малышу уже знаком.

– Не задерживайся, – попросила я. – Кот чувствует перемены и нервничает. Смотри, уже вырывается! Бедный...

Рауль торопливо покинул спальню. И вернулся действительно быстро, неся в руках зеленую пластмассовую «клетку», при виде которой Булка извернулся, спрыгнул с моих рук и вновь юркнул под кровать.

– Извини, не удержала, – повинилась я, разводя руками. Рауль красноречиво закатил глаза, поставил перевозку на пол, лег на паркет и сунул руку под кровать. Я, глядя на его попытки вытащить Булку, вновь вспомнила о своей кошке, «девушке с характером», признавшей Рауля сразу. Помнится, все время, что парень гостил у меня, Дуся ходила за ним следом, лапаясь и мурлыча, а по ночам вспрыгивала на кровать и засыпала, с удобством разместившись на его ногах, хотя обычно спала в кресле. Такой влюбленности от своей кошки, не жалующей человеческий сильный пол, я не ожидала. Впрочем, я ее прекрасно понимаю...

– Булка, иди сюда! – звал Рауль, ползая по-пластунски перед кроватью. Я съехидничала, что теперь уверена в чистоте полов: если и была какая-то пыль, Рауль собрал ее на свитер. Он, не обращая внимания на мои остроты, почти полностью скрылся под кроватью и уже оттуда буркнул что-то неразборчивое, а потом вскрикнул, видимо, Булка оцарапал его. Котенок вообще-то был ласковый... до тех пор, пока не видел перевозку, которая ассоциировалась у него не столько с переездами, сколько с походами к ветеринару и прививками.

– Анна, помоги! – попросил мой любимый, выныривая наружу с сопротивляющимся котом в руках. На тыльной стороне ладони Рауля набухали и наливались кровью свежие царапины. Булка когти уже спрятал, но пугливо прижимал уши и недобро косился на клетку.

– Надо обработать и заклеить, – заметила я уже после того, как жалобно мяукающий котенок оказался заключен в «тюрьму».

– А, ерунда, – поморщился Рауль, разглядывая «боевые ранения». – Так пройдет. Да и пластыря, кажется, у меня нет.

– В доме медика – и нет пластыря! – поддела я его.

Это в свои выходные Рауль выступал с группой в клубах и на городских мероприятиях, а в рабочие дни сменял майки и протертые джинсы на форму медбрата.

– Вот так и нет, – пожал он плечами.

– Хотя бы обработай чем-нибудь!

– Не страшно... Это же Булка, а не уличный кот!

Я покачала головой, не одобряя его беспечности. К собственному здоровью Рауль относился небрежно, но стоило мне или Булке чихнуть, как он проявлял излишнее, по-нашему мнению, беспокойство, разводил суету. Конечно, с одной стороны, мне было приятно такое внимание, но с другой – Рауль в этом плане перегибал палку. Если поделить его заботу о здоровье на нас троих, стало бы в самый раз.

Возразить мне не дал звонок в дверь. Рауль, оставив нас с Булкой, пошел открывать. Я же присела перед клеткой и легонько постучала пальцами по дверце:

– Не бойся, – ласково прошептала паникующему котенку. – Ничего плохого тебя не ожидает, поверь мне.

Не знаю, может, на Булку подействовал успокаивающий тон моего голоса, а может, кот действительно меня понял, но он вдруг затих и, приблизившись к дверце, осторожно обнюхал мои пальцы, а затем уткнулся в них носом, будто прося прощение за то, что оцарапал хозяина.

– Он на тебя совершенно не сердится, – ласково сказала я. И оглянулась на вошедших в комнату Рауля с сестрой.

– Бедняга! – воскликнула Лаура, присаживаясь рядом со мной. Она постучала легонько пальцами по дверце, и Булка тоненько мяукнул, будто жалуясь на нас с Раулем. Он вообще был котенком «разговорчивым»: не просто бессмысленно на наш человеческий взгляд мяукал, а поддерживал диалоги. И иногда смотрел таким понимающим, совершенно не кошачьим взглядом, что мне казалось, будто Булка – это заколдованный и заключенный в звериную шкуру человек.

– У этого бедняги когти, как у Фредди Крюгера! – проворчал Рауль, промакивая царапины салфеткой. – Спасибо хоть не в физиономию мне вцепился.

– Он просто защищался, – сказала Лаура, поглаживая клетку, словно спинку котенка.

Брат и сестра внешне были и похожи, и не похожи. Общее сочеталось с кардинально противоположным. Лаура не отличалась ростом, даже меня, невысокой, была ниже на полголовы, а рослому брату не доставала и до плеча. Черты Рауля мне казались выточенными уверенными движениями мастера, набившего руку на создании совершенных мужских профилей с ровными носами и четкой линией подбородка. Лицо же его сестры будто прорисовали мягкими кисточками: нежный овал, округлый подбородок, яркие и пухлые, как после поцелуев, губы, чуть вздернутый нос с тонкой переносицей. Длинные и загнутые вверх, как у куклы, ресницы густо обрамляли темные глаза-пропасти с радужкой, сливающейся по цвету со зрачками, тогда как глаза Рауля были светлыми и меняли свой цвет в зависимости от освещения от бутылочного до прозрачно-зеленого.

Улыбки у них тоже оказались разными: когда улыбался Рауль, словно выходило из-за туч солнце. У Лауры же была загадочная улыбка Джоконды и мягкие ямочки на щеках. Но вот ее лицо принимало сосредоточенное выражение, и она хмурила брови-дуги совсем как брат. Или, кого-то внимательно выслушивая, склоняла голову набок, как Рауль. Или, удивляясь чему-то, поднимала одну бровь, как он.

Темные волнистые волосы падали тяжелой завесой до поясницы, длинную челку Лаура частенько закалывала, открывая высокий лоб. Из-за нежных черт, маленького роста, художнического сложения и молодежной манеры одеваться «многослойно» – в джинсы и несколько маек, выглядывающих друг из-под друга (в холода Лаура наматывала на шею длинный шарф и надевала кардиган) выглядела она подростком, хоть было ей уже двадцать пять лет. Но порой ее поступки действительно напоминали поведение бунтующего подростка. Под ангельской внешностью Лауры скрывался своенравный бесенок.

– Ну что, если все готовы, идем! – скомандовал Рауль, оглядывая нас с Лаурой, одетых сегодня, словно сестры-близнецы, в одинаково синие джинсы похожего фасона и темно-серые свитера с воротами под горло. – Путь не близкий, а нам еще отвозить Булку к родителям. К тому же, зная маму, боюсь, что засадит она нас если не обедать, то пить кофе.

– Она уже напекла пышек, – ухмыльнулась Лаура, поднимаясь на ноги и оправляя джинсы.

– Во! И я о чем! Никаких кофе и пышек! Иначе до завтрашнего утра не приедем.

Мы спустились на улицу. Рауль нес обе сумки с вещами, я тащила клетку с Булкой, Лауре же достался пакет с приданным котенка – мисками, мешком с кормом, лотком. Прямо перед подъездом нас ожидал припаркованный синий «Пежо» Лауры – маленький аккуратный автомобиль, недавно сошедший с конвейера.

Мы доехали до дома, в котором проживала с родителями Лаура. И хоть торопились и категорически отказывались от обеда, так и не смогли втроем выдержать натиск мамы, засадившей нас за стол с видом победительницы. Обед, по своему обыкновению, затянулся надолго и плавно перерос в ранний полдник с кофе и свежими пышками.

– Так и знал, – ворчал Рауль, когда мы наконец-то спускались к машине, отяжелевшие, сонные и ленивые от обильной еды, которой нас потчевала сеньора Пилар. – Последними приедем. Вот увидите – последними...

– И что из этого? – резонно заметила Лаура. – Все места разберут? Или дверь запрут и нас на порог не пустят?

Подойдя к машине, Рауль остановился возле двери водителя. Лаура села за руль меньше года назад и на дальние расстояния ездить еще опасалась. И так как путь нам предстоял неблизкий, накануне было решено, что вести машину будет Рауль.

– Эй, это мое место! – воскликнула вдруг девушка, словно забыла о договоренности. Рауль вскинул бровь, но, вспомнив, что внезапная смена решений в духе его сестры, покачал головой. «Лаура переменчива, как ветер», – как-то отозвался он о ней.

– Ехать далеко, а я более-менее знаю дорогу, – предпринял он попытку уговорить сестру и протянул ладонь за ключами.

– Не беспокойся, брат, я справлюсь. Мне нужно практиковаться. Садись рядом, будешь подсказывать дорогу.

– Ну как хочешь, – сдался Рауль. – Если устанешь, я тебя сменю. Анна, придется тебе сидеть одной.

Я без возражений забралась на заднее сиденье.

– Сам-то машину покупать собираешься? – поинтересовалась у брата Лаура.

– Еще не решил, – ответил он, занимая пассажирское место рядом с ней. – Утром из пригорода в Барселону без задержек реально проехать лишь на мотоцикле. Хотелось бы восстановить свой. Жаль терять время в пробках.

– Твой мотоцикл проще выбросить и купить новый, – скептически хмыкнула Лаура. – Дешевле выйдет.

Я была согласна с ней в том, что настолько поврежденный байк не стоит и пытаться реставрировать, но возражала против покупки Раулем нового.

– Уж лучше машину! – вмешалась я в их разговор. – Безопасней!

– Но не быстрее! – затеял спор Рауль, разворачиваясь ко мне с лукавой улыбкой. Знал, что разговор о сравнении достоинств машины и мотоцикла распалял меня, и специально «подбрасывал в топку дрова». «Когда ты злишься, такая забавная!» – смеялся он. В такие моменты хотелось треснуть его как следует! На меня неизгладимое впечатление произвел вид мотоцикла, на котором мы катались еще летом и который сейчас, разбитый, стоял в гараже отца, и оставшиеся Раулю на память об аварии рубцы на руке и ноге.

– Еще будет решена проблема с парковкой в городе, – продолжал он сыпать аргументами с блеском в глазах.

Препираться я не была настроена, поэтому оборвала спор веским доводом:

– А как же ты собираешься возить на мотоцикле Булку? К ветеринару, например? В багажнике мотоцикла или у себя за спиной, как пассажира?

– Ладно, ради Булки куплю машину, – засмеялся Рауль. – А мотоцикл все равно отремонтирую.

– Чтобы уже шею свернуть. Поломать руку и ногу показалось недостаточно, – буркнула я и уткнулась в окно.

Лаура вела машину осторожно, прислушиваясь к советам брата. Я, не занятая разговорами, поначалу с интересом смотрела в окно. Но хватило меня ненадолго: ранний подъем, утренние хлопоты, сытная еда и спокойная музыка, которую поставила Лаура, сделали свое дело. Меня стало клонить в сон, и я, помня о том, что дорога предстоит неблизкая, прикрыла глаза.

Я плавала в стоячем пруду дремы, то выныривая на поверхность, потревоженная головами Рауля и Лауры, то вновь погружаясь в ее пучину, мысли перетекали вяло, как будто перешли в режим энергосбережения. Мне вспоминались дни, проведенные с Раулем.

Я прогостила у него уже десять дней, и этого было ничтожно мало, чтобы насладиться друг другом. Мне казалось, что и двух жизней окажется недостаточно. Слабым утешением служило, что вскоре предстояла новая поездка в Испанию, связанная с делами наследства. Но до того дня была пропасть в целых два месяца!

Наверное, я застонала от огорчения, потому что Рауль обернулся.

– Анна? – неуверенно позвал он, боясь разбудить меня и в то же время обеспокоенный моим стоном.

– Спит, – тихо выдохнул он. – Приснилось что-то...

– Ты ей по ночам, видимо, совсем не даешь спать, – поддела его Лаура.

Что ответил сестре Рауль, я не расслышала.

В памяти возникла счастливая картина моего приезда. Рауль встретил меня в аэропорту, привез домой и накормил обедом. Вкус тех блюд я запомню на всю жизнь, как и сладость дыни, которой он угощал меня летом на пляже. Рауль приготовил мясные стейки, запек на гриле свежие овощи и сделал картофельный омлет. А на десерт предложил кофе с печеньем, испеченным специально для меня его мамой.

Я так ждала нашей встречи, что накануне вылета не смогла уснуть, а когда мы с Раулем наконец встретились, вместо того, чтобы болтать с ним, обнимать и целовать его, клевала носом, поэтому, когда я закончила обедать, Рауль, не слушая возражений, подхватил меня на руки и отнес в спальню. Я заснула прямо в одежде, поверх одеяла, согретая объятиями любимого человека, счастливая. А когда проснулась, увидела, что Рауль по-прежнему обнимает меня и ласкает взглядом мое лицо. «Guapisima...»² – прошептал он с таким восхищением, будто моя заспанная физиономия с черными кругами под глазами от размазавшейся туши, с отпечатавшимся на щеке следом от браслета часов с его запястья, на котором я благополучно уснула, и впрямь была прекрасной.

Вечером того же дня Рауль отвез меня в поселок, в котором мы познакомились летом, – на ужин к родителям...

Я проснулась резко, будто от толчка. Оказывается, все же уснула – без сновидений, глубоко, так, что, открыв глаза, не сразу поняла, где нахожусь. Я поморгала от растушеванного подступающими сумерками и серостью пасмурного дня света, глянула в окно и увидела, что мы все так же мчимся по полупустой автострате. Незнакомые пейзажи интереса не представляли: деревья, поля, промышленные зоны, опять деревья и мелькающие вдалеке поселки. Я отвернулась от окна и перевела взгляд на кресло перед собой. Забросив руки за голову и сцепив пальцы в замок, Рауль легонько отстукивал по спинке кресла ритм льющейся из магнитолы песни. Рукава его темно-синего свитера задрались, обнажая предплечья до середины, и в поле моего зрения попал шрам, змеившийся от правого запястья до, как я знала, локтя. Прикрыв глаза, я мысленно «повторила» путь, который проделывала поцелуями: ладонь Рауля, косточка на запястье... Я останавливалась на ней, как на горном выступе, словно передыхая перед подъемом, а затем следовала далее по тропе-шраму маленькими шажками-поцелуями, едва касаясь губами кожи. Сгиб локтя – другой «привал», не выступ, а сокровенная ямка, в которой прятались мои неприлично смелые фантазии. И далее – крутое восхождение к свернувшейся клубком на плече пантере. Это было мое божество, обитавшее на самой вершине. Дикая пантера, усыпляющая бдительность безмятежной позой. Только я знала, что в тот момент, когда Рауль замирал надо мной, упираясь ладонями в матрас, она просыпалась и сбрасывала обманчивую

² Guapisima – красивейшая (исп.).

личину домашней кошки. «Preciosa...»³ – шептал мне Рауль, рассматривая мое лицо и обнаженную грудь, а пантера на его напрягшемся бицепсе выгибала спину, демонстрируя грацию неприрученного хищника. Это был наш с нею секрет, о котором знали лишь мы двое.

– Анна? – окликнули меня вдруг. От неожиданности я вздрогнула и, открыв глаза, испуганно заморгала. Мне показалось, будто Рауль прочитал мои фантазии.

– Просыпайся, спящая принцесса! Скоро приедем, – тихо засмеялся он.

Я выплянула в окно и увидела, что мы съезжаем с трассы на едва заметную в зарослях высоченного тростника сельскую дорогу, огибающую поле с корявыми низкими стволами виноградников, в сумерках ставших похожими на армию фантастических чудищ.

– Козья тропа, – пробормотал Рауль, подаваясь корпусом вперед, чтобы разглядеть столб с указателем.

– Как вы ее вообще заметили? – удивилась я.

– Брат был настороже, – пояснила Лаура.

– Будешь тут настороже... Даже навигатор не показывает этот путь. Хорошо, что я заранее распечатал карту из Интернета.

Машина, переваливаясь с боку на бок, словно утка, поползла на минимальной скорости по разбитой узкой дороге, которую и дорогой-то назвать было сложно, скорее, как Рауль и выразился, «козьей тропой». Заросли тростника безбожно лупили «Пежо» по холеным бокам, и я каждый раз, когда раздавался хлещущий звук, невольно втягивала голову в шею, будто удары доставались мне.

– Вот поэтому я и хотел выехать пораньше, – проворчал Рауль, разглядывая в потемневшем окне окрестности.

– Успеем до сумерек, – отозвалась Лаура. – Смотри, не пропусти указатель.

– Направо сворачивай! – встрепнулся Рауль, увидев на стволе дерева, одиноко торчавшего на краю поля, еле заметную табличку со стрелкой.

– Куда?! В лес?!

– Похоже, что да.

Я невольно поежилась от легкого беспокойства, увидев впереди темный и густой лес, в который нам предстояло въехать.

– С ума сойти. Надеюсь, мы оттуда вернемся... – вздохнула Лаура, но послушно повернула направо. «Пежо» теперь поскакал по торчавшим из земли корням, а по бокам его уже хлестали более жесткие, чем тростник, ветви.

– Машину поцарапаю, – буркнула Лаура. – И зачем я согласилась ехать с вами?

До этого она не ездила с братом, предпочитая отдыхать со своей компанией. Рауль рассказывал, что каждый раз, когда он предлагал сестре присоединиться к его друзьям, Лаура, которая была младше его на шесть лет, морщила нос и скучающе тянула: «И что я с вами, старыми, буду делать? Сардану⁴ танцевать?» Привыкнув к отказам сестры, Рауль не собирался больше звать ее с собой, но потом решил, что Лаура может составить мне компанию. Удивительно, но на этот раз девушка ответила согласием. Возможно, из-за меня. Возможно, из-за того, что недавно рассталась со своим парнем и не придумала, как провести рождественскую неделю. Правда, особой грусти по поводу разрыва с молодым человеком она не испытывала, и, кажется, сама его и бросила.

– Скоро приедем, – сказал Рауль не столько потому, что наш путь действительно подходил к концу, сколько ради того, чтобы приободрить сестру.

– Скорей бы уж! – сердито отозвалась Лаура. – Мне кажется, что я срослась с рулем и педалью.

³ Preciosa – прекрасная (исп.).

⁴ Сардана – каталонский танец.

– Ты же сама не захотела, чтобы я вел машину.

Лаура вместо ответа вдруг пронзительно завизжала.

– Ты чего?! – вздрогнул от неожиданности Рауль. – Чего испугалась? Это обыкновенный заяц!

Я, выглянув в окно, увидела, как в кустах скрылся зверек, перебежавший нам дорогу.

– Тут и кабаны водятся?!

– Возможно.

– Рауль, это ты выбрал дом в такой дыре? Я тебя убью, брат!

– Не я. Давид, кажется.

– О-о-о, от него ничего другого ожидать и не стоило! Почему ты мне раньше не сказал? Я бы не поехала.

Машину сильно тряхнуло на какой-то кочке, так, что мы втроем подскочили. Дорога шла вверх, петляя среди деревьев.

– А дальше куда? – остановилась Лаура на развилке. – Прямо фильм ужасов какой-то... Типичное начало!

Рауль сверился с картой, поскреб озабоченно затылок, видимо, не найдя нужной информации. Потом, решительно распахнув дверь, вышел из машины. Прошел немного вправо, осматривая стволы деревьев, потом вернулся и обогнул машину слева.

– Сюда! Вон указатель.

Лаура тихо выругалась.

Еще минут через пять такой тряски по кочкам мы наконец-то выехали на открытую галечную дорогу.

– Вон он, дом! – обрадованно воскликнул Рауль, показывая рукой вперед. Я вытянула шею, сию секунду рассмотреть в сумерках что-то похожее на здание, но увидела лишь поле неровно-овальной формы, которое ободком огибала дорога. Правда, вскоре заметила темнеющую стену приземистого дома. Лаура припарковала машину там, где уже стояли три машины, и заглушила двигатель.

– Наконец-то, – с облегчением выдохнула она.

Я вышла и, с удовольствием потянувшись, вдохнула сырой воздух, наполненный запахами земли и навоза.

– Фу, – скривилась Лаура, выбравшись из машины. – Ну и вонь! Надеюсь, что нам не придется дышать этим все каникулы.

Рауль ничего не ответил: то ли неприятный запах ему не мешал, то ли просто устал от недовольств сестры. Выгрузив сумки из багажника, он навесил их все на себя и, весело нам свистнув, пошел к дому.

Мы с Лаурой, не мешкая, последовали за ним, так как холодный влажный воздух мгновенно принял нас в липкие объятия, заставив поежиться. Захотелось как можно скорее попасть в сухое и теплое помещение и выпить чашку горячего чая или кофе.

Сумерки, еще прозрачно-сизые, как сигаретный дым, уже, однако, штриховали очертания окрестностей, сглаживая острые углы и размывая линии. Из-за тишины, такой абсолютной, словно мы оказались под звукоизолирующим колпаком, создавалось впечатление, что дом, к которому мы направляемся, находится где-то на задворках цивилизации, и странно было видеть светящиеся электрическим светом узкие оконца.

– Как тихо, – шепотом произнесла Лаура, словно прочитав мои мысли. – Бррр... Не смогла бы я жить в такой тишине и таком уединении постоянно.

– А я бы смог! – отозвался Рауль, мельком оглядываясь на нас.

– Ну да, конечно... – с сарказмом произнесла Лаура. – Привез бы колонки, инструменты, и от тишины остались бы лишь воспоминания. Тебе не столько она нужна, сколько отсутствие соседей.

– И это тоже, – засмеялся Рауль.

– Ой, этот уже здесь... – встрепенулась Лаура, только сейчас заметив молодого мужчину, лениво раскачивающегося на установленных во дворе, освещенном тусклым светом фонаря, качелях. Незнакомец неторопливо подносил ко рту зажженную сигарету, с глубокомысленным видом затягивался и сжеживал, почти не разжимая зубов, дым.

Я заметила, что до этого расслабленная спина Лауры натянулась как струна. Плечи девушки сами собой расправились, а пальцы невольно сжались в кулаки, словно Лаура приготовилась к драке. Перехватив мой недоуменный взгляд, она сунула руки в карманы куртки и вздернула подбородок.

– Спокойно, Лаура, – засмеялся Рауль.

– Я спокойна! – ответила она звенящим голосом.

Но не успела я спросить, в чем дело, как незнакомец, заметив нас, крикнул:

– Эй, я уж думал, вы не приедете! Все на месте, только вас не хватает.

Переведя взгляд на Лауру, парень расплылся в доброжелательной улыбке крокодила:

– А-а, вон в чем дело... За рулем была малышка Лаура! Небось, опять поставила навигатор вверх ногами и долго везла вас в противоположном направлении?

– Идиот, – обронила девушка сквозь зубы и ускорила шаг, направляясь к двери.

– Я шучу, шучу, сеньорита Лаура! – развел руками парень. – Куда же ты? А поздороваться? А дать мне поцеловать тебя два раза?

– Отравишься! – буркнула девушка, рывком открывая тяжелую дверь.

– Да знаю, знаю, что ты у нас ядовита, как рыба фугу. Но мой каменный желудок и не такое переваривал!

Лаура, прежде чем скрыться в доме, остановилась и, картинно морща нос, шумно втянула воздух с разлитым в нем густым «ароматом» удобренной навозом земли.

– Давид, это ты так воздух испортил? – с нарочито встревоженным выражением лица обратилась она к парню. – Божечки, Давид, проверь свой каменный желудок у доктора! Не знаю, какие помои ты переварил вместо обеда, но пахнет ужасно!

Рауль, бросив сумки на землю, захохотал и захлопал, выказывая одобрение. Лаура же поспешно, пока ее не настигла следующая реплика «врага», скрылась за дверью.

– Вот так всегда. И что я ей такого сказал?.. – с деланным недоумением на лице развернулся к нам парень. – Оскорбила! И даже не поцеловала!

– Хочешь, я тебя за нее поцелую? – с усмешкой предложил Рауль, шагая навстречу громиле. Они обнялись с радостью встретившихся после долгой разлуки братьев.

– Давид – мой самый близкий друг, – весело, все еще обнимая рукой за широченные плечи грубияна, представил мне его Рауль. – А на перепалку с Лаурой не обращай внимания! Это их многолетняя манера общаться.

– Не представляю, как мы с твоей сестрицей выживем под одной крышей, – буркнул Давид. – Боюсь, что она меня в один из дней ужалит, и я скончаюсь в страшных муках.

– Если ты только первым ее не сожрешь.

– Там жрать нечего – одни кости, – вздохнул Давид с лживым сожалением.

Я, не зная, как реагировать, стояла с вежливой улыбкой и мечтала о том, чтобы укрыться в доме от холодного ветра, от которого мало спасали куртка и свитер.

– А это, так понимаю, и есть та русская матрешка, которая причинила нам столько головной боли? – снизошел Давид до меня.

Я сдержала чуть было не сорвавшееся с языка замечание, что причинить головную боль этому товарищу никак не могла хотя бы потому, что впервые его видела.

Бесцеремонный взгляд Давида ощупывал мое лицо с таким вниманием, будто собирался приобрести его в личное пользование и выискивал скрытые дефекты. Мне стоило великого труда не отвести взгляда, а продолжать смотреть этому нахалу прямо в глаза.

– Ничего, симпатичная. Пожалуй, усилия, затраченные на ее поиски, соответствуют внешности, – обронил Давид таким тоном, будто сообщал другу технические характеристики какого-нибудь аппарата или машины. И уже мельком окинул взглядом мою фигуру. – Даже хорошенькая.

«Чего о тебе не скажешь», – чуть не вырвалось у меня. Привлекательным назвать Давида можно было с большой натяжкой, и то лишь в случае, если бы в радиусе ста километров вымерли все мужчины и остались одни самцы орангутангов. Был он ниже Рауля на полторы головы, но из-за широких плеч и крупного сложения казался громилой. Глядя на него, думалось, что он – собрание приставленных друг к другу геометрических фигур, такой мультяшный человек с абсолютно круглой головой, соединенной с телом-квадратом цилиндрической шеей и той же формы руками, размерами в объёме с мое бедро. Общую картину собрания идеальных геометрических фигур нарушал вид ног, чью кривизну не скрывали даже широкие джинсы. Возможно, Давид был ровесником Рауля, но казался старше из-за залысин. Черты его лица были крупными и расплывчатыми: нос с широкой нечеткой переносицей, полные губы с размытыми границами, невнятной формы подбородок. Пожалуй, только глаза были по-настоящему красивыми – по-испански крупными, темными, наполненные пугающим магнетизмом и с густыми, как щетка, ресницами. Мне подумалось, что природа-художница, изобразив лицо Давида, оставила рисунок под дождем и спохватилась, когда капли размыли линии, но еще не успели коснуться прорисованных глаз.

Этот тип мне не понравился сразу, и только из-за того, что он близкий друг Рауля (и что их связывает?!) я решила, что постараюсь найти в нем еще что-то, помимо глаз, привлекательное.

– Анна – красавица! – сказал Рауль, обнимая меня за плечи. И, обращаясь уже ко мне, пояснил:

– В устах Давида «даже хорошенькая» звучит как высший критерий красоты. Обычно Давид отзываясь о женской привлекательности скудно и бывает красноречив в комментариях, лишь когда видит по-настоящему некрасивую женщину.

– Ну что ж, спасибо, – выдавила я улыбку.

– Мы пойдем в дом: Анна замерзла. Вон как дрожит, – сказал другу Рауль, надевая на плечо ремни обеих сумок.

– Русская – и замерзла, – вполне искренне удивился Давид, закуривая вторую сигарету.

– То, что я русская, еще не значит, что привыкла спать на снегу, – парировала я с приятной улыбкой, хотя с большим бы удовольствием скорчила бы Давиду рожу.

Рауль открыл тяжеленную дверь из растрескавшегося дерева, за которой оказалась еще одна – стеклянная, «расчерченная» на квадраты металлическими рамами-прутьями. И мы вошли в жарко натопленное помещение с голыми стенами из грубо вытесанного камня. Судя по огромному, занимающему почти все пространство, деревянному столу и расставленным по его периметру стульям, – столовую. В помещении стоял веселый шум, так не вяжущийся с некоторой мрачностью, которую придавали приглушенный свет настенных рожков-светильников и косые асимметричные тени, падающие на земляной пол. Приехавшие раньше нас выгружали из коробок, выставленных на стол, продукты и носили их в другое помещение в конце столовой, дверь в которое я не сразу заметила. Лаура стояла рядом со столом и жадными глотками пила прямо из бутылки воду.

– Наконец-то! – к нам, широко раскинув руки для объятий, направилась худощавая девушка с «шапкой» коротких, мелко вьющихся темных волос, со скуластым лицом и пронзительно-голубыми глазами. Расцеловавшись с Раулем, поцеловала по испанской привычке в обе щеки и меня.

– Моника! – представилась она, протягивая узкую длинную ладонь и улыбаясь с такой радостью, будто только моего приезда и ожидала. – Рада с тобой познакомиться. Рауль много о тебе рассказывал.

– Ну не знаю, не знаю... – засмеялся он. – То ли я много говорил об Анне, то ли кое-кто меня о ней постоянно расспрашивал. Анна, Моника – моя подруга. Даже страшно вспомнить, сколько лет мы знакомы, пожалуй, только Давида я знаю дольше, и то ненамного. Как дела, красавица? – спросил Рауль, обращаясь уже к Монике, и ущипнул ее за щеку.

– А как еще могут быть у меня дела? Отлично! Ждали вас. Лаура сказала, что вы попали в плен к вашей маме.

– На самом деле мы ждали Лауру, до обеда она работала. Ну а потом уж застряли в доме родителей. Сама знаешь, если моя мама решит кого накормить обедом... А Марк где? Хочу представить ему Анну. Не вижу его...

В этот момент раздался такой грохот, будто с большой высоты упало что-то тяжелое.

– Зато слышишь, – встрепенулась Моника, оглядываясь. – Марк, небо, ты что там уронил?

Из помещения, дверь в которое находилась в конце столовой, показался невысокий парень с написанным на лице виноватым выражением.

– Коробку с молочными пакетами. Тяжелая! Но ничего не разбилось и не разлилось! – поспешно добавил он.

– Дорогой, я же просила тебя быть аккуратным! – мягко упрекнула молодого человека Моника, но тут же и сменила тему: – Иди сюда, я тебе представлю Анну. И поздороваяешься с Лаурой.

Выглядел Марк как типичный программист: круглые очки, рассеянный взгляд карих глаз с припухшими веками, длинные курчавые волосы, стянутые в небрежный хвост, свободный свитер с вылезшими петлями и вытертыми на локтях рукавами. Впрочем, джинсы его были новыми, и обувь казалась дорогой.

Он по очереди поцеловал нас с Лаурой, пожал руку Раулю и после обмена короткими вежливыми вопросами и ответами подхватил очередную упаковку с пластиковыми бутылками и удалился.

– Помощь нужна? – спросил Рауль, кивая на оставшуюся коробку.

– Да Марк отнесет... – махнула рукой девушка. Рауль же, видимо, решив, что в руках Марка ноша рискует не добраться до пункта назначения, поставил сумки на пол, подхватил коробку и кивнул нам с Лаурой:

– Пойдемте, познакомлю вас с остальными.

Вторая комната оказалась не кухней, как я подумала, а хозяйственным помещением с огромным нагревательным баком, прикрученным к стене, от которого вниз, скрываясь в полу, шли трубы с вентилями. Вдоль другой стены стояли современная стиральная машина и холодильник. Больше ничего в этом помещении не было, и пустующее пространство заставляли коробками с провизией.

– Оренсе! – воскликнул, обращаясь к Раулю, парень весьма приметной внешности. Во-первых, сам по себе он был довольно ярок – высокий, смуглый, с черными крупными глазами и густыми бровями. Во-вторых, выделялся из всей компании длинными дредами, убранными назад и перехваченными кожаным шнурком. В-третьих, руки его, от кистей до локтей, были покрыты цветными татуировками. В-четвертых, нижнюю губу и бровь молодого человека украшал пирсинг, а в оба уха были вдеты металлические кольца. Одет парень был соответственно своему стилю – в стоптанные кеды, джинсы, обтрепанные понизу, с прорезами на штанинах (подобных джинсов был любитель и Рауль), и свободного кроя рубаху с закатанными рукавами.

– Здорово! – обрадованно хлопнул друга по плечу Рауль.

– Привет, Чави! – поздоровалась, выныривая из-за спины брата, Лаура. И парень, увидев ее, расплылся в обрадованно-удивленной улыбке:

– О, красotka, рад, что ты почтила нас своим присутствием!

– Это Чави, мой друг и гитарист в группе, – представил мне парня Рауль. А затем и подошедшую познакомиться с нами девушку Чави. В отличие от своего бойфренда, Сара выглядела не так кричаще. Одета просто и соответственно обстановке – в темный джемпер и джинсы-дудочки. И хоть фигура ее казалась непропорционально сложенной – с длинной спиной и, наоборот, коротковатыми ногами, – девушку я нашла привлекательной: узкое личико с изумительной оливковой кожей казалось похожим на лица персонажей из японских аниме из-за огромных, орехового цвета, глаз, маленького рта и заостренного подбородка. Длинные волнистые волосы Сара собрала высоко, в небрежный пучок, из которого выбилось несколько прядей.

– Эрнандес придет? – спросил, обращаясь к Раулю, Чави после церемонии представления и приветствия. Похоже, обращаться ко всем по фамилии, входило в его привычку. Интересно, как он выговорит мою – Скороходова?

– Завтра, с женой, – кивнул Рауль и пояснил нам с Лаурой, что Серхио Эрнандес – это новый басист в группе, который пришел на смену ушедшему летом. Новый человек не только в группе, но и в компании.

– Жаль, остальные не смогли, – вздохнул сокрушенно Чави. – Если бы мы собрались на отдых, как всегда, в ноябре... А то досиделись до рождественской недели, на которую у всех есть свои планы.

– В ноябре, Чави, у нас самая работа была, – засмеялся Рауль. – Диск записывали.

– Записали бы раньше, если бы ты нам планы не сбил – то аварией, то изменениями в коллективе, – проворчал Чави.

– Но согласись, вышло лучше! С новыми песнями.

– О, начинается, – вроде бы обращаясь ко мне, но так, чтобы слышали и молодые люди, прошептала Лаура. – Сейчас заговорят о диске, концертах – и все, мы их потеряли. Анна, подумай хорошенько, нужен ли тебе мой брат-зануда, который часами может говорить о музыке.

– Лучше пусть уж говорит о музыке, чем делится подробностями своей работы, – парировал Чави.

К нам, болтающим и смеющимся, незаметно подошла еще одна девушка, которую мы не сразу заметили. Внешности она была совершенно неброской, с простым лицом, почти лишенным природных красок. По отдельности его части – нос, губы, маленький рот – казались привлекательными, но вместе никак не складывались в органичную картину. Небольшие глаза светлого оттенка и русые жидкие волосы, подстриженные ровным коротким каре с прямой челкой... Такая внешность могла бы принадлежать жительнице любой европейской страны, но менее всего, на мой взгляд, ярким испанкам. В первый момент мне подумалось, что девушка, как и я, иностранка, но заговорила она без акцента.

– Нурия, – представилась она первой. И равнодушно, ради приличия, скользнув по моей щеке прохладными губами, повернулась к мужской половине компании:

– Давида не видели?

– Во дворе курит, – ответил Рауль.

Простое лицо Нурии просияло так, словно его, сонного, коснулся луч утреннего солнца. И, преобразившись, будто по волшебству, стало удивительно привлекательным. Так яркую бабочку в сумерках ошибочно принимаешь за невзрачного мотылька. И пока я откровенно рассматривала девушку, она уже пробормотала извинения и покинула помещение. Лаура проводила ее долгим взглядом, а затем, разворачиваясь к присутствующим, веселым голосом спросила:

– И где наши комнаты?

– Пойдемте, я вам покажу, – спохватилась Моника. – Спальни практически одинаковые, лучших или худших нет, поэтому мы взяли на себя смелость распределить их между парами.

Она направилась к другой двери в конце столовой, за которой, оказалось, скрывалась ведущая вверх крутая лестница с высокими каменными ступенями – выщербленными, стертymi множеством ног, со сколотыми у некоторых краями.

– Сколько лет этому дому? – спросила я, поднимаясь следом за Раулем.

– Не знаю, – не оглядываясь, ответила Моника. – Предполагаю, что лет триста-четырееста. Не самый старый, попадаются и тысячелетние. На сайте не содержится информации о возрасте – большое упущение, считаю. А с хозяином я не общалась. Кажется, обо всем договаривался Давид. Только не уверена в том, что он поинтересовался такой «мелочью», как возраст дома.

– Думаю, ты права, – хмыкнул Рауль. – Давида меньше всего интересует историческая ценность таких домов. Ему хоть многовековый подавай, хоть шалаш, хоть грот, хоть современную квартиру – все одно, лишь бы там была более-менее приличная кухня.

– Кухня? – удивилась я.

– Давид – повар. Приготовление еды для него – не процесс, а священный ритуал, поэтому к подбору кухонной утвари и продуктов он подходит щепетильно. Да что это я, лучший способ убедиться в том, что Давид кулинарный гений – попробовать его блюда.

– Пожалуй, я буду питаться отдельно, – буркнула Лаура. – Сомневаюсь в том, что он не сыпанет в мою тарелку яду.

– Если будешь держать язык за зубами, то не отравит, – оглянулся на сестру с усмешкой Рауль.

Миновав две узкие площадки, мы вошли в еще одну дверь и оказались в гостиной. Раз-мерами она значительно уступала столовой и была не такой вытянутой и узкой. Одну ее стену занимал камин, не прикрытый решеткой, и выполнявший лишь декоративные функции. Вдоль противоположной стены в каменных нишах, образующих своеобразные полки, стояли книги с потрепанными корешками. Я засмотрелась на эту библиотеку: книги у меня всегда ассоциировались с деревом, но в каменных полках тоже что-то было...

– Ну как вам?

– Мне нравится! – воскликнула я, опережая Рауля с Лаурой. И с интересом окинула взглядом тяжелые кресла, которые, казалось, перенесли сюда из музея. Сколько поколений людей они пережили? Мне подумалось, что, если опуститься в такое кресло и прикрыть глаза, оно шепотом будет передавать тебе разговоры прежних хозяев. Я незаметно, с уважением и восхищением тронула пальцами массивный каркас. Дерево оказалось гладким, но отполировали его не инструменты, а касающиеся на протяжении многих веков руки. Погладила ладонью пыльную обивку из потертого красного бархата, на ощупь теплую, и еще больше убедилась, что старинные вещи обладают не только памятью, но и душой.

У не занятой камином и полками-нишами стены стоял предмет, который я поначалу приняла за комод. Но оказался он старым громоздким проигрывателем с «тумбой» для пластинок. Вспомнилось, что, когда мне было года четыре, мы с мамой отправились в гости к ее приятельнице, и там, в одной из комнат, я увидела проигрыватель, мгновенно заворотивший меня загадочностью и количеством ручек на деревянной панели. И пока меня не засекли, я всласть накрутилась этих ручек, сбив все настройки.

И вот сейчас подобная вещь стояла в гостиной испанского дома. Правда, внимание на нее обратила только я: Лауру интересовал куда больше выбор спальни, а Раулю, нагруженному нашими сумками, хотелось поскорей избавиться от тяжестей.

– Вот свободные комнаты, – указала нам Моника на две двери, расположенные по обе стороны от проигрывателя. – Еще одна, вон та, возле лестницы, останется для пары, которая приедет завтра. Спальни, в которых остановились мы, находятся на этом же этаже, только в другой части.

Оглянувшись, я увидела возле входной двери узкий проход, с первого взгляда незаметный. Мне подумалось, что этого «перешейка», соединяющего два крыла, раньше не было, что появился он тогда, когда дом перестраивали под нужды туристов. Моника будто прочитала мои мысли:

– На сайте выложен старый план, оригинальный. В той части, где спальни, было открытое пространство, возможно, еще одна гостиная, куда большего размера, чем эта. Но сейчас из нее сделали три спальни и оставили между ними лишь узкий проход. Плюс тех комнат в том, что они немного изолированы от гостиной, но минус состоит в их размерах – они значительно уступают вашим.

– Этот дом не такой уж большой, – прокомментировал Рауль, обращаясь к нам с Лаурой. – Раньше мы останавливались в таких громадных, что в них легко можно было потеряться, со множеством комнат, гостинными на каждом этаже. Но так как в этот раз мы «проспали» и спохватились тогда, когда уже не осталось свободных домов, обрадовались этому. Впрочем, как еще раньше заметил Чави, половина компании не смогла поехать, так что огромный дом нам просто не нужен.

– На первом этаже, помимо кухни, которую вы не видели, есть маленький зал с пианино, где тоже можно отдыхать. И территория перед домом довольно большая, с бассейном и местом для барбекю.

– Бассейн зимой нам не пригодится, – усмехнулся Рауль. – А вот барбекю обязательно сделаем. Ну что, выбираем комнаты?

– Лаура?.. – сделала я приглашающий жест, предлагая девушке первой выбрать комнату.

– Мне все равно! – воскликнула она. И открыла дверь той спальни, к которой стояла ближе – с левой стороны от проигрывателя.

– Ладно, оставляю вас. Устраивайтесь и спускайтесь к нам. Скоро будем заниматься ужином. – сказала Моника, завершая роль гостеприимной хозяйки.

Комната оказалась обставлена просто, но именно простотой и непривычностью интерьера завораживала. Стены – каменные, как и во всем доме. Большую часть пространства занимает высокая кровать с грубыми спинками из того же темного дерева, что и остальная мебель в доме. Узкие тумбочки с расшатанными дверцами на высоких изогнутых ножках, встроенный в дальнюю от входа стену шкаф, одно кресло с выпуклым протертым сиденьем – вот и вся обстановка. Но большего и не нужно.

Если спальня сохраняла первозданный вид, то ванная комната оказалась вполне современной: с отделанными светлой плиткой стенами, новой сантехникой, стеклянной полочкой для туалетных принадлежностей и пластмассовыми крючками для полотенец. И только рама зеркала, выточенная опять же из темного дерева, казалась старой, как и мебель. Разглядывая ее, я обратила внимание на то, что зеркало – не навесное и укреплено непосредственно в стене, а рама служит лишь декоративной деталью. Интересно!

– Рауль? – позвала я, выходя из ванной. И увидела, что он, открыв ставни узкого, словно форточка, окна, и опираясь одним коленом о низкий каменный подоконник, пытается поднять заевший шпингалет.

– Жарища, как в преисподней, – ему наконец-то удалось распахнуть окно.

Я, почти привыкнув к прохладе в его квартире, думала, что в доме с голыми стенами должно быть холодно и сыро, как в погребе, поэтому взяла с собой лишь теплые брюки и пару свитеров. И сейчас, глядя, как Рауль стягивает через голову джемпер, подумала, а сунула ли в сумку хотя бы одну футболку.

Рауль, сняв свитер, остался в майке. И я по привычке приласкала взглядом вытатуированную на его плече пантеру, обманывая себя, что смогу приручить хищницу. Заблуждение... Находясь рядом с Раулем, я боюсь заглядывать в будущее – а что если он, как своенравный хищник, уйдет на волю, едва лишь почувствует попытку его «одомашнить»?

– Так, что тут у нас? – задумчиво пробормотал Рауль, распахивая створки шкафа. В одну из них оказалось встроено зеркало почти в рост. – М-м-м, места хватит. А запасные одеяла, пожалуй, уберу наверх. Если так будут топить и ночью, то вряд ли они нам понадобятся. Впрочем...

Он оглянулся на меня, и я увидела, что его зеленые глаза смеются:

– Кое-кто и в жару любит закутываться в одеяло. Так что, пожалуй, одно для тебя оставлю. Устала?

– Нет.

– Тогда давай быстро разберем вещи и спустимся вниз.

Рауль уступил мне нижнюю полку и принялся выкладывать из своей сумки одежду на верхнюю.

– Я тебя еще далеко не со всеми друзьями познакомил, – начал рассказывать он между делом. – У меня их много, связанных с работой, музыкой, учебой. Но здесь собрались самые близкие, хоть и далеко не все. Например, не смогли приехать три парня из нашей группы со своими девушками и еще одна пара... Все из-за праздников. Ну ничего, когда-нибудь я тебя со всеми познакомлю.

Его последняя фраза внушала надежду, что будущее у нас возможно. По крайней мере Рауль об этом сейчас так думал...

– Но из всех друзей самый близкий – Давид? – с интересом, за которым маскировала свои беспокойства, спросила я.

– Да, – ответил Рауль, приседая над раскрытой сумкой. – Мы жили в соседних домах и знакомы практически с рождения. Не обращай внимания на его остроты. Не зная Давида, можно решить, что он – отвратительный тип. Но ему только нравится казаться таким. На самом деле он...

– Белый и пушистый, – со смешком перебила я. – Святой ангел!

– Почти так и есть, – глянул Рауль на меня снизу вверх, не поднимаясь с корточек. И вновь занялся сумкой. – Но, по правде говоря, роль святого ангела досталась Нурии. Вместе они уже пару лет.

– И точно ангел! Столько времени выдерживать такого субъекта, как Давид.

– Вижу, он тебе не понравился, – констатировал Рауль, но, однако, без удивления и огорчения. – У тебя еще будет возможность убедиться в том, что он – неплохой парень.

– А Монику ты давно знаешь?

– Тоже с детства. Она – дочь маминой подруги, считай мне – вторая сестра. Кстати, Моника работает в адвокатской конторе, и я попросил ее помочь тебе с делом о наследстве: найти человека, который бы занялся решением твоих проблем. Она согласилась.

– Спасибо! – обрадованно воскликнула я.

Рауль закончил разбирать сумку, последним вытащил несессер и отнес его в ванную.

– Рауль, а что происходит между Лаурой и Давидом? – поинтересовалась я, когда парень вновь появился в комнате.

– Война, – засмеялся он, аккуратно складывая опустевшую сумку и убирая ее в шкаф. – Не спрашивай меня, из-за чего она началась, но, сколько себя помню, Лаура с Давидом всегда враждовали. В детстве Давид очень задевал мою сестру, мы с ним даже дрались из-за этого. А Лаура вполне искренне его ненавидела и боялась. Может, это связано с тем, что...

Рауль вдруг оборвал себя на полуслове, его глаза расширились, словно он увидел за моей спиной что-то странное. Он даже привстал на цыпочки, чтобы разглядеть это поверх моей головы, хоть я и была ему до плеча. Затем торопливо оглянулся и повернулся ко мне уже с растерянной улыбкой.

– Что? – испуганно спросила я, тоже невольно оглянувшись. Ничего странного там не оказалось, лишь дверца шкафа, в зеркале которой отражалась я со стопкой одежды в руках.

- Ничего, – усмехнулся Рауль. – Показалось.
- Что показалось?
- Да ничего.... Ерунда. Скорей всего обещанные «спецэффекты».
- Какие спецэффекты? – не поняла я.

– Многие старинные дома обладают историей. Обычно туристам рассказывают о возрасте дома, бывших владельцев, их занятиях. Но иногда, заманивая гостей, хозяева придумывают легенду или значительно приукрашивают уже имеющуюся. Этот дом отреставрирован совсем недавно, похоже, еще и года не прошло, как его начали сдавать, и, чтобы привлечь внимание, на сайте сообщили, что здесь могут происходить странные вещи. Но какие – не объяснили, – для большей таинственности. На Рождественскую неделю резервировать нужно все сильно заранее. Отдых чуть не накрылся из-за нашей нерасторопности, тут уже не до выбора. Вот быстро и сняли дом «с привидениями».

– С привидениями? – прошептала я, от неприятного удивления даже не сумев придать голосу шутиливый тон.

– Нет, конечно! – сказал Рауль, с улыбкой обнимая меня и привлекая к себе. – Ты что, испугалась?

– Нет, но... Вообще-то рассчитывала на романтический отдых...

– Так и будет!

Хоть его голос и прозвучал уверенно, неприятный осадок у меня остался. Еще до недавнего времени я бы первая посмеялась над рассказами о привидениях и других «гостях» из потустороннего мира, если бы минувшим летом лично не «познакомилась» с семейным кошмаром.

* * *

В моем мире – лед и холод. Мой мир окрашен в черно-белые тона. И мое имя тоже выцвело, как старые снимки. Здесь нет запахов, нет звуков. И свет, как свет Луны – лишь отражение настоящего света. Если по другую сторону ночь, то мой мир тоже погружается в темноту. Здесь нет времени, оно закольцовано в вечность, как спутаны в один повторяющийся путь все эти коридоры. Отсюда та реальность, которую я знала, представляется другой. Линии расплывчатые, пропорции искажены, как у рассматриваемого через толщину воды предмета. Вылинявшие до неузнаваемости цвета, и, наоборот, насыщенные гротескные тени. Отсюда мой дом, чьи каменные стены видятся испещренными трещинами, кажется местом, куда приходили умирать неизвестные животные. Повсюду – непогребенные скелеты с полустлеванной плотью. А из дыр балок, прогрызенных древооточками, сыплются, извиваясь, жирные черви. Впервые увидев такую картину, я закричала от ужаса. И только позже, выйдя в реальность, поняла, что стены все в том же отличном состоянии, какими я их и помню, а скелеты животных – это мебель, расставленная в комнатах. А то, что я приняла за червей, на самом деле лишь золотистые пылинки, кружащиеся в солнечном свете.

Какое счастье, что я могу выходить из моего мира, прогуливаться по комнатам. Дом, в котором проживало не одно поколение нашей семьи, сейчас, сменив хозяев, превратился в подобие гостиницы для отдыхающих. Все в нем переделано под удобства гостей. Больно ли мне, настоящей хозяйке, видеть эти изменения? Как ни странно, нет. Отреставрированный дом ожил, будто после интенсивного лечения. Больно было бы, если бы он умер. Дом, одинокий, забытый, умирал, взирая ослепшими окнами на заросшие сорняками поля, когда-то бывшие виноградниками моего отца. И я, молодая сеньорита, единственная хозяйка, не могла ничего сделать...

Обретя других владельцев, дом зажил новой жизнью. И пусть теперь он – пристанище для отдыхающих, в его стенах звучат живые голоса. Он дышит теплом, его наполняют запахи приготовляемой еды. Как при жизни моей матушки.

Как вообще при жизни...

Когда старик отдыхает между приемами гостей, я прогуливаюсь по его комнатам, смотрю на старую мебель, вынесенную в оставшуюся единственной гостиную, захожу в спальню, ставшие одинаковыми из-за того, что оформлены они не для кого-то специально, с любовью и старанием, а обезличены для сменяющихся гостей. Задерживаюсь в своей комнате. Ничто в ней не напоминает обо мне. Ничто. В этом месте мне всегда становится грустно, и я спасаюсь от хандры в маленьком музыкальном салоне с пианино моей матушки. Рассматривая декоративные завитушки на черном дереве, вспоминаю сладкий голос поющей мамы. Ее тонкие руки – руки не крестьянки, а аристократки, на клавишах. Зазвучит ли еще когда-нибудь в этом доме музыка? Гости, которые посещают дом, частенько поднимают крышку инструмента, трогают его клавиши, еще хранящие прикосновения пальцев моей матери, но воспроизводят лишь робкое бречание. В тот день, когда в этих стенах раздастся музыка, дом по-настоящему оживет. Проснется не только его сердце, но и душа.

*Когда открываются двери и входит первый гость, я ухожу в свой мир, к которому при-
вязана, как дух к телу. И начинается мое главное развлечение. Мир, в котором я живу, лишил
меня цветов, звуков, тепла, но подарил другую возможность. Отсюда я вижу то, что называю
про себя душами. Громкое название. Может быть, это и не души вовсе. Что я могу знать
о них? Я говорю «душа», потому что не могу подобрать другое слово. Сущность человека?
Наверное, последнее звучит куда правильней. Но я, чтобы не усложнять все, говорю «душа».*

*Так вот, мой мир дает возможность увидеть души. В реальном мире они спрятаны
в тела, завуалированы фальшью, скрыты приличиями, правилами, нормами, принятыми в
обществе. А отсюда видны обнаженными. Иногда, разглядывая души гостей, я думаю о том,
что настоящий мир – мир, в котором живу я, а тот, что привыкла именовать реальным,
всего лишь искаженное отражение. Ведь именно из моего мира видна настоящая сущность
человека! Как все тогда ужасно... Перед глазами встает картина с трещинами и сыплющи-
мися на скелеты червями... И меня передергивает от отвращения.*

Нет, нет!

*Чтобы избавиться от неприятных мыслей, возвращаюсь к наблюдению за отдыхаю-
щими, а точнее за их душами, которые видятся мне расплывчатыми силуэтами, раскра-
шенными в разные цвета, меняющимися оттенки в зависимости от помыслов и настроения
«хозяина». Говорят, что душа бесполо, но я необъяснимым образом понимаю, в чье тело она
заключена – в тело мужчины или женщины.*

*Я преуспела настолько, что по цветовой гамме понимаю, какую жизнь ведет человек –
праздную ли, полную грехов, или праведную. Каковы его помыслы, насколько пропиталась его
сущность фальшью, что управляет его поступками – тщеславие ли, жадность, ненависть.
Увы, чаще всего преобладают темные цветовые гаммы. А однажды мне довелось увидеть
душу, очерченную убийствами. Я отшатнулась в ужасе. И позже, узнав, что эта черная душа
заключена в тело молодой красивой женщины, предположила, что испортили ее убийства
нерожденных младенцев.*

*У меня здесь нет книг, нет радио, поэтому, рассматривая чужие души, угадывая по цве-
товой гамме и пятнам жизнь хозяина, я развлекаю себя так, как будто бы посещаю театр.
Какое еще может быть развлечение у молодой романтической девушки, не лишенной фантазии,
оказавшейся в моем положении?*

*Я даже составила свою цветовую гамму грехов. Она может не совпадать с настоя-
щей, говорю же, это всего лишь моя забава. Безразличие мне видится фиолетового цвета,
ревность – ртутного, ненависть – огненной, месть меняет цвет от холодного стального*

до кроваво-красного, тщеславие – темно-желтое, жадность – бурая. Фантазия окрашена в розовый, страсть полыхает алым. Кому скажи...

Сложней и интересней всего с любовью. Любовь – это не просто цвет, это цветок, занимающий то место, где у человека расположено сердце. Мне больше всего нравится рассматривать цветы. Они никогда не бывают одинаковыми. Но это и не странно, ведь любовь – разная. Я испытала это волшебное и одновременно мучительное чувство лишь однажды. И, может быть, потому, что не успела им насладиться, вглядываясь с таким вниманием в цветы, примеряя на себя чужие чувства.

Иногда лепестки цветов подпорчены ртутного цвета пятнами – ревностью. Иногда я вижу совсем молодые цветы с еще не раскрывшимися бутонами – зарождающуюся любовь. А иногда, напротив, – цветок с уже поникшими вялыми лепестками. Отцветающая любовь... Немало попадаете души без цветов, и к ним я быстро теряю интерес.

...А сегодня я увидела его.

Нет, не так. ЕГО.

И опять не так...

Я увидела чистую душу, светлую, без темных пятен тяжелых пороков. Так, как если бы доктор, привыкший наблюдать только снимки легких людей, больных раком, пневмонией, туберкулезом, вдруг увидел чистый снимок. Но не столько душа привлекла мое внимание своей чистотой, сколько диковинный цветок. Вернее, два. Один – сильный, как сорняк, нахально расправляющий лепестки, занимал все «сердечное» пространство, отнимая его у другого – маленького, хилого и бледного. Этот, сильный и дивно красивый, то полыхал алым, то пульсировал пурпурным, то светлел до нежно-розового. Но хоть он менял цвета, одно оставалось неизменным: его лепестки были тронуты ржавыми пятнами тоски.

«Ого!» – удивилась я и потеряла бдительность. Мне показалось, что обладатель цветков заметил меня. Нет, я не видела его лица, его глаз, смотрящих на меня, но заметила, как силуэт на мгновение замер, будто в изумлении. И я поспешила уйти в глубь коридора.

* * *

Я стояла перед зеркалом с феном в руках и сушила после утреннего душа волосы. От мамы мне досталась отличная кожа, поэтому я почти не пользовалась косметикой. Только в тех случаях, когда казалась слишком бледной, наносила немного румян на скулы, да иногда подводила карандашом веки. Красавицей я не была. Только глаза изумрудного оттенка, унаследованные от прабабки-испанки, хорошая кожа и копна вьющихся каштановых волос и составляли мою привлекательность. Еще совсем недавно меня сложно было назвать изящной, но переживания, которых в этом году мне выпало достаточно, сыграли роль отнюдь не здоровой «диеты».

Рауль уже спустился вниз, откуда доносились приглушенные толстыми стенами голоса. И от того, что я торопилась, расческа только путалась в волосах. В очередной раз с трудом выдрал ее из влажных прядей, я решила, что укладка не стоит таких жертв. Волосы сами высохнут и лягут натуральными волнами. Я выключила фен, выдернула из розетки шнур и повернулась к зеркалу. Да так и застыла, увидев отражение Булки. Сомнений быть не могло! У белого котенка, сидевшего на расположенной за моей спиной полочке, у носа было черное пятнышко, точь-в-точь, как у Булки. Появление нашего кота здесь оказалось такой неожиданностью, что я чуть не выронила фен.

– Булка?.. – изумленно воскликнула я, оглядываясь. И уронила-таки фен. Потому что на полке стояли флаконы с гелем для душа, шампунем и одеколоном Рауля, а котенка не было. – Что за... – пробормотала я, наклоняясь за феном. Померещилось. Других объяснений нет. Я выпрямилась и увидела, что Булка по-прежнему отражается в зеркале: сидит на пустой полке и с интересом наблюдает за мной. Но в тот момент, когда наши взгляды встретились, я с ужасом

увидела, что у котенка глаза не желто-зеленые, какими они были на самом деле, а молочно-белые, будто с бельмами, без зрачков и радужек.

Меня пробил озноб. Так не бывает! Не бывает, чтобы в зеркале отражался кот, который должен в это время находиться в доме родителей твоего парня. Не бывает, чтобы зеркало отражало то, чего нет. Не бывает, чтобы за тобой внимательно следили невидящими глазами. Кто это вообще?!

За спиной раздался тихий шорох, будто котенок спрыгнул на пол. Умирая от накатившего на меня ужаса, но будто повинуюсь неслышимому приказу, я вышла из ванной и оглянулась в поисках котенка. Скрипнувшая входная дверь указала на то, что Булка, или кто это был, выбежал в коридор.

Я отправилась следом и в удивлении остановилась, неожиданно погрузившись в мертвую тишину. Разговоры, неразборчивым гудением слышавшиеся в спальне, вдруг затихли, хотя гостиная располагалась прямо над столовой. Не может быть, чтобы громкоголосые друзья Рауля разом смолкли! По испанской привычке они разговаривали, не понижая голосов и все одновременно. Может быть, куда-то ушли?

Легкий шорох, в плотной тишине прозвучавший громче выстрела, вывел меня из оцепенения. Увидев, что котенок направился к лестнице, я поспешила за ним, но не из любопытства, а из стремления встретить кого-нибудь из людей. Торопливо сбегая по лестнице, я не могла отделаться от ощущения, что дом стоит в запустении не один десяток лет – настолько он вдруг показался мне мертвым.

В столовой никого не было. Никто не накрывал стол к завтраку, скатерти, которая покрывала его еще вчера, не оказалось, и столешница стала такой темной, будто обугленной. Мне даже почудился запах гари. Всего на мгновение – это ощущение тут же развеялось. «Розыгрыш, это какой-то розыгрыш!» – подбодрила я себя.

– Мяу! – сердито напомнил о себе Булка. Совсем как в тот летний день, когда заманил меня на заброшенную фабрику. И волна холода, вызванная нехорошими воспоминаниями, прошла вдоль позвоночника. «Не ходи, не ходи за ним!» – прокричал здравый смысл. Но я уже входила за белоглазым котом в хозяйственное помещение, а оттуда – в дверь, которую вчера не заметила, так как находилась она в самом скрытом месте – в стене, на которую отбрасывал тень огромный бак.

За дверью оказалась лестница, ведущая вниз. В подвал? Только этого не хватало! Но, умирая от страха и нехороших предчувствий, я следовала за котом дальше. Будто замороженная музыкой крыса – за дудочкой. «Это ловушка, ловушка!» – пытался достучаться до меня здравый смысл. Но колдовство оказалось такой силы, что голос разума лишь поверхностно царапал сознание, не проникая в него. Я спускалась по разбитым каменным ступеням, вдыхая сырой запах заплесневелого помещения и стараясь не потерять из виду хвост Булки. Белый кот с черным пятнышком у мордочки... «Действительно ли это ваш с Раулем котенок? – ехидно осведомился здравый смысл. – Тебя его глаза не напугали?»

Когда я подошла к тяжелой двери, кот исчез, хотя деваться ему, казалось, некуда: лестница была узкой, без площадок и боковых коридоров.

Я толкнула дверь, отворившуюся, несмотря на кажущуюся мощь, удивительно легко. И очутилась в узком помещении. Пространство вытянулось длинным туннелем, сходство с которым придавал и арочный потолок. Голые лампочки, свисающие с каменного потолка прямо на проводах, освещали «туннель» тусклым светом, словно кто-то заранее, ожидая меня, зажег их. Вдоль грубых стен стояли деревянные стеллажи, похожие на соты. В каждой ячейке лежала винная бутылка. Я провела пальцем по доньшку одной из них, оставив темную борозду на сером налете многолетней пыли. Винный погреб! Как зачарованная, совершенно забыв о том, что пришла сюда за котом, я рассматривала многочисленные доньшки. Вытащила из любопытства одну бутылку и стерла ладонью пыль с этикетки. Резерв оказался 1970 года. Вино

было старше меня почти на половину моей жизни. Я с уважением положила бутылку обратно в «гнездо» и пошла дальше. Стеллажи сменились двумя рядами стоявших у стен бочек из старого дерева, с массивными кольцами, плотно пригнанными крышками и с темными, похожими на впитавшуюся в дерево застарелую кровь, подтеками на выпуклых боках.

Впереди оказалась дверь из толстых металлических прутьев, за ней виднелось помещение поменьше со всяким хламом. Я разглядела кресло, похожее на те, что стояли в гостиной, старый фонарь «летучая мышь» с разбитым стеклом, чугунную кочергу, валявшуюся поперек прохода. Рассмотреть что-либо еще я не успела, потому что вдруг увидела одинокую женскую фигуру, сидевшую на одной из бочек. Лицо девушки заслоняли длинные волосы. Ссутуленные плечи подрагивали, будто от немых рыданий, и от тонкой фигурки веяло отчаянием и горем.

– Эй! – тихонько позвала я плачущую, делая к ней шаг. И отшатнулась, почувствовав на лице налипшую паутину. Я брезгливо стряхнула ее рукой, но по шее с неприятной щекоткой пробежали чьи-то лапки. Паук! Паук, который залез мне за шиворот. Я завизжала и запрыгала, пытаясь его стряхнуть. Потревоженная моим визгом девушка подняла голову. Увидев ее лицо, я мгновенно забыла о пауке и закричала теперь уже не от омерзения, а от ужаса. И потому что узнала это лицо. И потому, что по нему расползались жирные черные пауки. И потому что глаза девушки были такими же белыми, как у Булки...

Мой крик слился с грохотом, взорвавшим тишину подобно праздничному салюту. Кто-то рядом вздрогнул и скользнул по моему плечу, убирая с него руку.

– Козлы! – пробормотал знакомый голос, который только чудом не перекрывала эта какофония из скрежещущих и гремящих звуков.

Я открыла глаза и не сразу поняла, что на самом деле нахожусь не в винном погребе, а в постели, рядом с Раулем, который уже сидел на кровати и торопливо натягивал джинсы.

– Убью! – прорычал он, вскакивая на ноги и направляясь к двери, из-за которой доносились эти ужасные звуки – грохот, скрежет, металлическое лязганье и завывания. Я поспешно натянула на себя одеяло, представлять в пижаме перед неизвестно кем не хотелось.

– У-у-у-у! – раздались радостные завывания, сопровождаемые усиленным грохотом, стоило Раулю открыть дверь. На пороге стояли три фигуры разного роста в накиннутых на головы простынях. В руках, выглядывающих из-под «саванов» они держали кастрюли и отчаянно колотили по ним кто металлической крышкой, кто половником, кто большой суповой ложкой.

– Дурни, – засмеялся Рауль.

Я тоже не сдержала улыбки. Хоть нас и разбудили так жестко, но это был лучший способ забыть о приснившемся кошмаре.

– Это привиде-е-ния-я, – провыла средняя фигура, размахивая кастрюлей и половником. И, стянув с головы простыню, уже нормальным голосом сказала: – Хватит дрыхнуть! Завтрак на столе!

Этим «привидением» оказался Давид. Высоким «призраком» был Чави, а низкорослым – Марк.

– Сейчас спустимся, – сказал Рауль, захлопывая дверь. – Ваше выступление оценили. И, будьте спокойны, мы вам ответим чем-нибудь в том же духе.

За закрытой дверью вновь раздалось завывание, сопровождаемое грохотом. И затем – громкие удаляющиеся шаги.

– Как тебе? – с улыбкой спросил Рауль, плюхаясь со мной рядом на кровать. – Забыл предупредить, что тут такие шуточки в ходу.

Мы привели себя в порядок и вместе спустились в столовую. За накрытым к завтраку столом, действительно, собрались уже все. Наше появление встретили радостными возгласами и подшучиваниями на тему встречи с «привидениями».

– Кто раньше встает, тот меньше «попадает», – назидательно сказал Давид. – Ибо пока вы дрыхнете, у скучающих в ожидании вас есть время придумать что-то эдакое.

– Давид, ты обречен каждое утро вставать спозаранку, – указал на друга пальцем Рауль. – Потому что пока я не верну тебе «долг», не успокоюсь.

– А при чем тут я? – округлил парень глаза. – Может, идея была Марка. Или Чави. Или вообще Моники, Сары, Нурии...

Рауль, усаживаясь за стол, усмехнулся с таким видом, что стало понятно, что он ни капли не сомневается в авторстве Давида.

За завтраком, с тостами, нарезкой сыра и ветчины, кексами, кофе и какао, все оживленно болтали. Делились впечатлениями, кому как спалось, строили планы на день.

– Так, что тут предлагают? – пробормотал Давид, составляя с буфета на убранный совместными усилиями после завтрака стол картонную коробку с рекламными листовками.

– Скукотища полная... – прокомментировал он, быстро перебрав пальцами буклеты, словно библиотечные формуляры. – Прогулка по поселку и вокруг озера... Оставим для пенсионеров. Экскурсия на винную фабрику. Это уже интересней, но, увы, сегодня фабрика закрыта. Дорога к старым развалинам замка... Хм... Что-то меня ничто не впечатляет... Если не озеро, то гора, если не гора, то какие-нибудь развалины. Как всегда.

– А что бы тебя впечатлило, дорогой Давид? – вкрадчивым голосом осведомилась Моника.

– Ну не знаю. Что-нибудь более занятное, не такое скучное! Вообще-то нам обещали привидений, так ни одно за ночь не показалось!

– Они тебя, Давид, испугались. Завернулись в саваны и сбежали, гремя цепями, – оживилась Лаура, не проронившая за завтраком ни слова. – Зачем привидения, если ты приехал? Даже Фредди Крюгер рядом с тобой милашкой кажется.

Давид метнул на девушку ледяной взгляд, но ничего не ответил – не потому, что ему не нашлось, что сказать, а из желания показать Лауре, что ее шпильки для него – все равно, что уколы иголкой для танковой брони.

– А что плохого в прогулке к озеру? – вмешалась Нурия. – Мне бы, например, хотелось пройтись вокруг него. Это озеро известное и, по слухам, невероятно красивое. И поселок можно посмотреть...

– Ну тогда, Нурия, эта прогулка как раз для тебя, – не дал договорить подруге Давид. И хоть он перебил девушку, это прозвучало как-то не обидно, без ноток презрения и высокомерия, которые слышались при его обращении к сестре Рауля.

– Помнится, в доме, где мы останавливались в прошлый раз, предлагались экскурсии на лошадях, – мечтательно прикрыл глаза Марк, и я удивленно глянула на него. Облик Марка не вязался с интересом к «адреналиновым» развлечениям. – Хорошо мы тогда время провели...

– Да, поскакать на лошадках было бы замечательно, – согласился Давид. – Но тут ничего подобного нет. Скукота! Опять придется рядиться в привидения, чтобы нарушить интимное единение какой-нибудь парочки. Хоть так развлекусь.

Он метнул в нашу с Раулем сторону насмешливый взгляд. Но ответить мы не успели, так как в этот момент вернулся со двора кутивший на улице Чави.

– А как насчет велосипедной прогулки? – спросил он, застав окончание разговора. – Я только что обнаружил в сарае четыре отличных горных велосипеда.

– Ты уже и в сарае побывал? – оживился Марк.

– Конечно! Если мы сегодня будем делать барбекю, то...

– Чави, не отвлекайся. Барбекю потом, а сейчас – велосипеды, – перебил друга Давид. – Так что там с ними?

– Говорю же, стоят себе четыре отличные машины. Если тебе хочется хлебнуть адреналинового коктейля, можно с ветерком промчаться хоть по горе, что за лесом, хоть по лесным тропам – тут тоже неплохие спуски и подъемы.

– Значит, четыре, – оживился Давид, обводя собравшихся внимательным взглядом и определяя, кто составит ему компанию на экстремальной прогулке.

– Сеньориты пусть меня простят, но это развлечение для мужчин, – вынес он вердикт.

– Мог бы из вежливости и сеньоритам предложить, – ехидно заметила Моника.

– Дорогая моя, неужели ты поедешь с нами? – хмыкнул Давид. – Я тебе не предлагаю, знаю, что откажешься.

– Откажусь. Не хочу свернуть себе шею на отдыхе, – согласилась Моника. – Но правильной было бы предложить всем, а не исключать женщин. Это пахнет мачизмом!

Судя по тому, что и Рауль, и Чави страдальчески закатили глаза, такие заявления были в духе Моника.

– Боже упаси! – испуганно поднял руки вверх Давид. – Боже упаси, Моника! Виноват, дорогая моя феминистка. Забыл, что в твоём обществе нужно следить за тем, что говоришь, иначе это может быть неправильно истолковано. Сокровище мое, послушай совета доброго дядюшки Давида: мы сейчас находимся на отдыхе, о работе тут разрешается вспоминать только мне, и то потому, чтобы снять с вас, девушек, обязанность стоять у плиты. Моника, небо, давай о правах человека, защите обездоленных котиков и помощи голодающим чайкам будем разговаривать в другой обстановке, в твоей адвокатской конторе, например. Кушай завтрак, обед и ужин, приготовляемый для сеньорит «мачистом» Давидом, и расслабляйся.

Говорил это он с такой подкупающей улыбкой, что Моника, напрягшаяся в начале его монолога, вполне миролюбиво проворчала:

– Делать вам нечего – велосипеды... Не сверните шеи только!

– Не доставим тебе такого удовольствия, дорогая, – сладким голосом пропел Давид. – Ну, кто едет? Чави? Марк?..

Марк, робко глянув на свою воинственно сверкавшую глазами подругу, вздохнул и... решительно кивнул. Давид расплылся в одобрительной улыбке. Затем повернулся к Раулю:

– Оренсе, даже не знаю, предлагать ли тебе после того, как ты докатался «с ветерком» до больничной койки... Как тебе такая поездка, уже по силам?

Я с беспокойством посмотрела на Рауля, и по тому, как заблестели его глаза, поняла, что он бы в первых рядах отправился покорять горные спуски и подъемы. Почувствовав мой встревоженный взгляд, Рауль, все поняв, усмехнулся.

– Нет, Давид, пока воздержусь от подобных развлечений, – уверенно ответил он. – К тому же кому-то надо и девушек сопровождать.

– Ладно, – согласился Давид. – Значит, поедем вдвоем.

– Вчетвером, – раздался вдруг голос Лауры. Она, будто не заметив изумленных взглядов, направленных на нее, тряхнула длинными волосами и решительно заявила, обращаясь к молодым людям:

– Я с вами.

– Еще чего! – от удивления, смешанного с возмущением, глаза Давида округлились. – Тебе место вон в том кружке для вышивания!

– Сам иди... вышивать крестиком! – не осталась в долгу Лаура.

– Давид, как ты разговариваешь с Лаурой! – возмутилась Моника.

– А как с ней еще разговаривать? Куда она собралась?!

– Туда же, куда и вы – кататься на велосипеде, – невозмутимо повторила девушка. – А что тут такого? Меня тоже не прельщает прогулка вокруг озера.

– Чтобы ты себе шею сломала? Или, в лучшем случае, руку или ногу? – нехорошим голосом, в котором явно слышалось плохо сдерживаемое раздражение, произнес Давид. Но в то

же время некоторые, еле уловимые ноты в его тоне заставили меня с интересом посмотреть на парня. Если раньше реплики, отпускаемые в адрес Лауры, звучали хоть и издевательски, но несерьезно – так задирают мальчишки девчонок в классе, – то сейчас в голосе Давида мне послышалось... беспокойство.

– Ты думаешь, что раз я девчонка и младшая по возрасту, то, значит, ловкости у меня меньше, чем у тебя? – вскидывая подбородок, надменно произнесла Лаура.

– Именно, дорогая моя, именно.

– Забыл, что я росла среди вас, пацанов, и с раннего детства лазала и по деревьям, и по...

– Как же, красавица, забыть такое! – с гаденькой улыбкой перебил ее Давид. – Мое воображение до сих пор волнует воспоминание о твоей попе в розовых трусах, сверкавшей из ветвей какого-то низкорослого дерева, и твой ангельский голосочек, которым ты трубила на три пуэбло в надежде, что кто-нибудь тебя, мартышку в задравшейся юбке, снимет с дерева. Вспоминаем дальше?

– Козел, – буркнула Лаура, заливаясь краской. И дрожащим от злости голосом произнесла: – Я отправлюсь кататься на велосипеде и точка!

– Опять за свое, – страдальчески поднял глаза к потолку Рауль. – Лаура, ты каждый раз пытаешься доказать, что уже взрослая, совершенно детскими способами.

– Я ничего не пытаюсь доказать! Мне хочется поехать, потому что... хочется! Потому что я люблю ездить на велосипеде! – развернулась она к брату.

– Лаура, речь идет не о простом велосипеде и не о гладкой дорожке, по которой ты можешь себе кататься взад-вперед, сколько вздумается, а о горных подъемах и спусках, – делано терпеливым тоном, словно объясняя непослушному ребенку в третий раз, почему он не должен так поступать, ответил ей Рауль.

– И что? Не вижу большой разницы! Я хорошо езжу на велосипеде, катаюсь не только по ровным дорогам!

– Лаура, Рауль тоже уверенно водит мотоцикл, – вкрадчиво напомнил Давид. – Однако это не уберегло его от падения и переломов.

– Велосипед – не мотоцикл. И я – не Рауль. То, что упал он, не значит, что упаду и я.

– Боже, какая ты невыносимая и упрямая! – взорвался Давид. – Я не собираюсь тащить тебя на руках, если ты свалишься и сломаешь ногу!

– А почему ты так уверен в том, что я упаду?! И кто даст гарантии, что не свалишься ты?! Вот тебя-то я уж точно не потащу на себе!

Нурия испуганным и умоляющим взглядом посмотрела на Давида, но тот даже не заметил ее беспокойства. Все его внимание было направлено на Лауру. Взгляд темных глаз искрился, ноздри раздувались. Похоже, парень еле сдерживался. Взгляд Лауры, направленный на Давида, был ничуть не мягче. Казалось, эти двое затеяли игру, только соревновались не в том, кто кого переглядит, а кто испепелит другого взглядом.

– Ого! – присвистнул Чави, и его подруга неодобрительно покачала головой.

– Давид, – Нурия робко тронула своего спутника за локоть, но парень только дернул рукой, стряхивая пальцы девушки, словно насекомое.

– Прекратите. Оба, – произнес Рауль тихо, но с таким металлом в голосе, что и Давид, и Лаура, и собиравшаяся вмешаться в спор Моника разом оглянулись на него. Я всегда удивлялась, почему в школе лучшей дисциплины удавалось добиться учителям не с громогласными крикливыми голосами, а педагогам, никогда не срывающимся на истеричный фальцет. – Давид, не видишь, что ты ее только провоцируешь? Убавь звук, а лучше вообще его выключи. Лаура, а ты, если хочешь, езжай! Ради бога! Никто тебе не запрещает. Ты девочка большая, и если чужие примеры тебя не заставляют одуматься, так, может, собственные ошибки чему-то научат. Я тебя очень люблю, поэтому, если что, в беде не оставлю. Буду всячески тебе помогать: носить в больницу сладости и книжки, поправлять подушки, чтобы тебе лежалось удобно, подставлять

плечо, чтобы ты могла с комфортом доскакать до туалета. Даже буду терпеливо выслушивать твои жалобы на то, что гипс весит три тонны, а кожа под ним нестерпимо чешется. Хотя, возможно, лежать в гипсе зимой, а не в самую жару, окажется не так уж мучительно. Даже тепло.

Рауль говорил это все таким серьезным и спокойным тоном, что напряжение, сконцентрировавшееся в этой комнате и грозящее разразиться бурей, стало потихоньку спадать.

– О боли не беспокойся, – продолжал он, как ни в чем не бывало, и голос его теперь напитывался теплотой и проникновенностью. – Пара уколов – и на несколько часов о ней забудешь. Знаю, что ты боишься уколов, но я буду тебе их делать лично: говорят, у меня рука легкая. А так повалиться со сломанной ногой – вовсе не плохо, поверь мне! Все на работу спешат, а тебе никуда торопиться не надо. Спи себе, отдыхай, как в отпуске, книжки читай, телевизор смотри! Правда, о дискотеках, спорте и долгих прогулках придется забыть. Как и о пляже. Но какой пляж зимой? А к лету уже и поправишься. И чтобы ты не скучала, я тебя развлекать буду: петь под гитару. Прямо у постели. Каждый день, включая и выходные. Пригласим твоих подружек, я и для них спою, мне не жалко. А они – станцуют.

Я, слушая Рауля, не смогла сдержать улыбки. Отвернувшись, чтобы не испортить эффект от «педагогического внушения», я заметила, что и Моника, и Марк тоже украдкой улыбаются, а Давид и вовсе, не стесняясь, ухмыляется, не сводя взгляда с Лауры. Нурия, Сара и Чави, занявшие места в партере, переводят взгляд то на Давида, то на Рауля. И только Лаура смотрит на брата волчком, почти не моргая и все крепче сжимая губы.

Сара не выдержала и прыснула в кулачок. Лаура метнула на нее острый, как нож, взгляд, но промолчала.

– Единственное, что может сильно омрачить жизнь – это рубцы... – сокрушенно вздохнул Рауль. – Я-то из-за них не переживал, юбок все равно не ношу. К тому же Анна мне сказала, что шрамы мужчин украшают, так что я только радуюсь тому, что любимая не видит во мне чудовище Франкенштейна. А вот для такой красивой молодой девушки, как ты, шрам на плече или руки может стать настоящей трагедией. Впрочем, ты сама сказала, что велосипед – это не мотоцикл, скорость другая. И если свалишься на мягкую земляную дорожку, не обдерешься так, как об асфальтное покрытие. А если еще и перелом аккуратный, то и операция не понадобится. Так что, сестренка, развлекись сегодня как следует! Не обращай ни на кого внимания! Мы тут все – старые зануды. Накатайся от души, потому что потом, возможно, о велосипеде придется забыть надолго.

– Ха-ха-ха! – раздельно, без улыбки, произнесла Лаура. Затем, бросив на всех насмешливый взгляд, развернулась и вышла, гордо вскинув голову.

– Bravo, Рауль, я насладились! – воскликнула Моника, когда за Лаурой закрылась дверь.

– Она не обиделась? – тревожно спросила я, оглядываясь. Не слишком ли увлекся Рауль? Лаура мне была очень симпатична и восхищала своим бунтарством. Мне очень не хватало в характере такой черты. Я даже переходный период пережила как-то мягко, без бурь, протестов и желания отстоять свободу личности. В возрасте Лауры я была старше себя сегодняшней, двадцатисемилетней. Окружение все же накладывает отпечаток не только на поведение, но и корректирует «под себя» твое ощущение возраста. Тогда, в двадцать пять, я искренне считала, что муж, занудный, сухой, как буква закона, лишенный чувства юмора Костик – мужчина моей мечты. Он был старше всего на два года, но очень старался, чтобы у людей складывалось впечатление о нем как о зрелом мужчине. Положение, как говорится, обязывало: в его юридическом мире к молодым отношение несерьезное. И я, находясь с Костилом рядом, общаясь с его зрелыми друзьями и коллегами, невольно «старела».

– Ха, обиделась! – ответил за Рауля Давид. – Думаешь, она переживать пошла? Спорю, что в данный момент переодевается для прогулки на велосипеде! Если уж его сестрице пришла в голову какая-то идея, то убедить Лауру одуматься – все равно что пытаться грудью остановить мчащийся паровоз. Уж лучше отойти в сторону.

– Я уже начинаю жалеть о том, что ее пригласил, – пробормотал Рауль.

– Да что ты так переживаешь? – пожала плечами Моника. – Вы оба преувеличиваете: еще никуда не вышли, а уже пребываете в полной уверенности, что с Лаурой обязательно случится что-то плохое. Рауль, твоей сестре двадцать пять лет, она взрослая девушка и бунтует не из вредности, а из-за желания наконец-то выйти из-под твоей опеки!

– Я ее опекаю? – удивился Рауль.

– Опекаешь, только настолько привык к этому, что уже и сам не замечаешь.

– Моника, я давно живу отдельно, в дела Лауры не вмешиваюсь, хоть и вижу, что она зачастую поступает неправильно. Но, в конце концов, у нее есть своя голова. И я ей брат, не отец.

– Хорошо, хорошо... Но зря вы разволновались, может быть, Лаура еще никуда и не пойдет.

И в этот момент дверь открылась, и в столовой показалась Лаура, переодетая в спортивные брюки и свитер с высоким горлом.

– Вы еще здесь? – окинула она всех удивленным взглядом. – Не торопитесь... Поскольку я собралась первая, думаю, мне предоставляется право выбрать велосипед?

Рауль развел руками: «Ну, что я говорил?» Давид метнул на сестру друга злой взгляд и, поджав губы, встал из-за стола.

– Пойдем, Нурия.

Это послужило сигналом к тому, чтобы все отправились переодеваться для прогулки.

* * *

...Что это? Жар, боль. У меня нет сердца, только его фантом, но я чувствую, как оно вновь бьется, как пенится и бурлит кровь – как тогда, когда в наш дом приходил Анхель. Что со мной?..

Я бродила по коридорам моего мира, думая об увиденном «цветке»... Кто его обладатель? Кто она, та счастливица, к которой цветет эта несчастная любовь?

Почему несчастная? Так мне показалось, что хозяйствует тут не человек, а этот сорный, несмотря на диковинную красоту, цветок. Он – раковая опухоль, разъедающая хозяйина, паразит, выпивающий соки из другого, оберегаемого и напрасно взращиваемого растения. Такая любовь – неистребимая, пожирающая – не может быть счастливой. Возможно, тот мужчина, который ее испытывает, продолжает лгать женщине, на которой женат, или с которой обручен, или просто находится рядом, что ее любит. Настоящие чувства, с примесью тоски и горечи, он испытывает к другой.

Так думала я, снедаемая желанием выйти из моего мира и хоть одним глазком увидеть того, в чьем сердце расцвел цветок. Я воображала, как выглядит этот мужчина. И на фантазии накладывался оставшийся в моем фантомном сердце образ. Мне казалось, что незнакомец похож на Анхеля: высокий гибкий юноша со смуглым лицом, с тонкими чертами, с полоской усиков над круто вырезанной губой, с волнистыми длинными волосами. А как выглядела раньше я? Как странно... Я до деталей помню внешность Анхеля, все его костюмы, в которых он приходил в наш дом, рубашки, шляпы, ботинки. Помню тембр его голоса. Помню шершавость его щеки, касающейся моей во время приветствия – увы, я не успела ни сорвать настоящего поцелуя, ни подарить Анхелю свой... Так вот, я помню, как выглядел он, но забыла, как выглядела сама... Несчастливая девочка, чье имя выцвело, девочка, чей возраст, несмотря на проходящие годы, никогда не преодолеет шестнадцатилетний рубеж...

Я бродила по коридорам, осторожно подсматривая за гостями. Но, витая в своих мыслях, «читала» их души рассеянно, будто машинально пролистывала страницы книги, не вникая в смысл написанного. Эта компания мало чем отличалась от других отдыхающих. Обыч-

ные люди с их грехами и добродетелями. Их души скорее светлы. Но холод мира, в котором я живу, заморозил все доброе во мне, и я в первую очередь ищу не достоинства, а людские пороки. Я со странной радостью выскиваю темные пятна. Тицеславие, гордость, жажда славы – все это присуще моим гостям. Обыкновенные пороки обыкновенных людей.

Чтобы не думать большие о заворожившем меня цветке, я затеваю новую игру: пробую лишь по гаммам души, не заглядывая в сердца, предсказать, как складываются отношения между гостями.

Занятная пара... Здесь доминирует девушка. Душа светла, хоть ее обладательнице не чужды амбиции. Она считает, что ее поступки выверены и правильны, но это не всегда приносит пользу. Девушке не хватает гибкости, она предпочитает рубить правду в лоб... Но ее душа издает тихое свечение, когда рядом с ней оказывается возлюбленный. Светло-голубые тона нежности, бежевые – тихого обожания. Возможно, девушка относится к своему спутнику с материнским покровительством. Впрочем, судя по тому, что ее мужчина отличается застенчивостью и нерешительностью, такие отношения их обоих вполне устраивают. Гармония – вот мой ответ.

А в этой паре все наоборот: доминирует мужчина. Возможно, он не совсем внимателен к своей спутнице. На лиловом фоне самолюбия в его душе – пятна тицеславия и жажды славы. И я думаю, что, если этому мужчине для получения желаемого потребуется пожертвовать отношениями, он сделает это без сомнений. Девушка же добра, но ей не хватает выдержки. Наверное, она срывается, кричит, требуя внимания, устраивает сцены. Но через пять минут просит прощения и признается в любви, и он снисходительно ее «прощает».

Нестабильность – мой вердикт.

А здесь дела куда хуже... Увы. Я вижу, как в ее душе разлиты ртутные пятна ревности. Ядовитые пары отравляют ее любовь. Но у девушки есть основания не доверять спутнику: на его душе – грехи измены. Я отворачиваюсь, так нехорошо мне делается. И, дабы избавиться от неприятного послевкуся, переключаюсь на другую пару.

Ужасную скуку – вот что я читаю в душе мужчины. Возможно, его любовь к спутнице отцвела. Тогда же как девушка испытывает к нему болезненные чувства. Как грустно! Я сокрушенно вздыхаю. И еле справляюсь с соблазном рассмотреть цветы, чтобы подтвердить или опровергнуть свои прогнозы.

Потом, в другой раз. Хоть меня так и подмывает найти обладателя цветка. Кто он? Вряд ли тот, нерешительный, из пары, в которой доминирует девушка. Слишком уж тихи и гармоничны их отношения. Остаются трое мужчин – скучающий, тицеславный и изменник – такие «имена» я им даю. Кто из них?

Прежде чем уйти, я вскользь касаюсь взглядом души всех собравшихся.

И отшатываюсь, увидев убийцу.

Убийца!

Убийца...

* * *

Мы взяли машину Лауры, Рауль сел за руль, я – рядом с ним, а на заднем сиденье разместились Нурия, Сара и Моника. Я не принимала участия в беззаботной болтовне, которой развлекались девушки, иногда обращаясь с вопросами к Раулю. Отвернувшись к окну и рассматривая лес, в солнечном свете уже не казавшийся таким угрюмым, как в сумерках, а затем – виноградники, я думала о том, каким странным и щедрым на события получился этот год. Моя жизнь, до этого напоминавшая тихий ручей с вялым течением, вдруг забурлила горной рекой. Меня увлек поток такой силы, что я не успевала цепляться руками за камни и коряги, дабы сделать паузу, глотнуть воздуха и оглядеться по сторонам. И ладно бы тащило по ровному руслу,

так нет, на пути попадались пороги, и я летела вниз с риском захлебнуться или разбиться. Но выныривала на поверхность и плыла дальше. Измена мужа и развод – первое падение на камни. И следом знакомство с Раулем, который протянул мне руку помощи и отогрел в ладонях мое замерзшее сердце. Счастливая, потеряв бдительность, я чуть не поплатилась за это жизнью. Но спаслась и получила невиданный подарок – знакомство с моим дедушкой-испанцем. Бальзам на вновь разбитое сердце... Но только я решила, что вышла на плато, как река вновь сделала неожиданный поворот, за которым поджидал очередной порог, новая потеря. Дедушка...

Когда дедушка пропал, я предполагала, где его искать. Рауль с друзьями облазил всю старую фабрику, но даже следов пребывания дедушки там не оказалось. И все же я чувствовала, что его жизненный путь закончился именно на фабрике...

Я любила поселок, где жили Рауль и Лаура, родной и для моего дедушки. Но каждый раз, когда я оказывалась в Санроке, ко мне возвращалась грусть. Я так и не дошла до дома, в котором жила летом. Не смогла прийти туда – к старой фабрике. И не навестила соседей – Хуана и Кармен, которые с такой теплотой принимали меня у себя. И это тоже болело. Может быть, перед отъездом...

Сейчас у меня был счастливый период. Но держала я в ладонях счастье так боязливо, словно хрупкую скорлупу. Я украдкой глянула на Рауля и отметила его спокойную уверенность, с которой он вел машину. Если бы он так же уверенно вел по жизни меня... Мне не верилось, что закончились повороты, я боялась, что на очередном пороге моя ладонь выскользнет из ладони Рауля... И тогда уж я точно разобьюсь.

Течение мыслей перебил звонок мобильного. Я вытащила его из кармана куртки и, увидев высветившийся номер, обеспокоилась. Звонила Арина, с которой я разговаривала вчера – спрашивала, как поживает моя кошка. Собиралась позвонить и вечером, дождавшись часа, когда подруга вернется с работы домой. Что случилось, если она звонит мне сама?

– Привет, Ариш! Что-то с Дусей? – в лоб спросила я. Лучше уж узнать сразу.

– Нет, нет, – засмеялась подруга. – В порядке твоя девушка! Передает привет тебе и твоему красавцу, говорит, что скучает по вас. Я тебе звоню по другому вопросу. С тобой Савелий хочет поговорить.

– Савелий? – удивилась я и напряглась. Дело в том, что муж Арины, Савелий, обладал некоторыми способностями, в которые я поначалу не верила. Но после того как он предсказал некоторые ситуации и дал точные описания людей, с которыми я потом встретилась, все сомнения отпали. Кстати, он же дал описание фабрики, когда я обратилась к нему за помощью, чтобы узнать место, где пропал мой дедушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.